

«Поэзия есть игра чувств, в которую рассудок вносит систему». И. Кант

№ 2 (68)

2016

Ж У Р Н А Л

Э Т О В

Д О О С

Кантата Канта

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

Событие

ДООС возник в 1984 году. В этот смутный и напряженный период времени он выпорхнул из стихотворения Константина Кедрова:

«Окна настезь и все напрасно
Неостановленная кровь
обратно не принимается
ДООС –
Добровольное
Общество
Охраны
Стрекоз!»

Свой первый, десятилетний юбилей ДООСы отметили передачей телепрограммы «Лад» под названием «Другой голос» с участием Игоря Холина, Генриха Сапгира, Андрея Вознесенского, Елены Кацюбы и главного героя программы – Константина Кедрова в клубе «Классики XXI века». Андрей Андреевич, только что вернувшийся с поэтического фестиваля в Роттердаме, поведал, как он сумел рассказать о современном положении в русской поэзии, показав и почитав участникам первую, уникальную книгу «ДООС – анаграмма» (художник и издатель Виктор Корольков).

Двадцатилетие отмечали в Литературном музее в Трубниковском переулке. Сюрпризом стало появление на вечере Алексея Хвостенко, незадолго перед этим вернувшегося в Россию. В своем выступлении он сказал: «Из того, что происходит сегодня в поэзии, мне интересней всего ДООС». Событие это отметила «Литературная газета» в № 037, стр.6 от 22.09.2004:

«В Государственном литературном музее в Трубниковском переулке отметило свой двадцатилетний юбилей неформальное творческое объединение «ДООС – Добровольное общество охраны стрекоз. Собрались Стихозавры, Стрекозавры, Поэтозавры, Доосозавры и прочие чины общества. В их числе Константин Кедров, Елена Кацюба, Вадим Рабинович, Алексей Хвостенко (Париж), Валерия Нарбикова, Алина Витухновская в звании Друг ДООСа и другие новички и старейшины этого литературного кружка». Точнее – Герман Виноградов и Александр Бубнов.

А через пять лет ДООСы снова собрались в том же зале Литературного музея. Но в этот раз, кроме поэтического вечера, была организована большая выставка картин, графики, арт-объектов и фотографий. ДООС Владимир Опара вручил участникам группы дипломы «Атлант искусства» от Департа-

мента культуры г.Москвы и галереи «А 3» – «за высокие достижения в творческой работе». А телеканал «Культура» сообщил в вечерних новостях:

«В литературном музее в эти минуты проходит творческий вечер группы ДООС. Этому событию посвящена выставка, развернутая в залах музея. ДООС – Добровольное общество охраны стрекоз – возникло почти четверть века назад с легкой руки поэта Константина Кедрова. Девиз: «Ты все пела? Это – дело!» В составе поэты и художники России, Ирландии, Великобритании, Франции, Германии. ДООС выпускает свой «Журнал ПОэтов». Тексты участников группы звучат под сводами Сорбонны, любимовской Таганки и даже Ватикана».

И, наконец, 30-летие праздновали в Русском ПЕН-клубе, в который входят многие ДООСы. На небольшом пространстве разместилась рама с настоящим занавесом, раздвигая который, выходили под аплодисменты зрителей участники торжества. Были и стихи, и песни, и воспоминания, и посвящения в ДООС. А в финале – традиционная ДООСовская катавасия, когда все читают одновременно каждый свое стихотворение.

Наверное, именно тогда у Маргариты Аль –поэтессы, художницы и автора множества инсталляций родилась грандиозная идея – провести 1-й международный фестиваль ДООСа.

24

января,
воскресенье

ТВОРЧЕСКИЙ КЛУБ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ Фестиваль ДООС-2016 «Ты всё пела? Это дело!»

В фестивале принимают участие знаменитые ДООСы и друзья Добровольного Общества Охраны Стрекоз:

Константин Кедров-Челищев, Елена Кацюба, Маргарита Аль, Андрей Житинкин, Валентин Никитин, Пётр Кобликов, Евгений Харитонов, Ольга Журавлёва, Вера Сажина, Александр Карпенко, Лена де Винне, Людмила Салтыкова, Александр Бубнов, Нина Сарапиан...

Ведущие:

Народный артист России, режиссёр – Андрей Житинкин
Гендиректор издательского проекта ДООС,
учредитель и гл. редактор журнала «ЛиФфт» – Маргарита Аль

Начало в 18 часов

В чистом и практическом разуме с Кантом пребывали

Москва, Калининград, Ульяновск, Чикаго, Лейпциг, Киев, Израиль, Галле,
Братск, Прага, Лондон, Нью-Йорк, Днепропетровск, село Пречистое, Рязань,
Каменск-Уральский, Сидней, Тояма, Люблин, Мюнхен

2-3-4-5

Константин Кедров

6-7

Борис Бартфельд

8

Сергей Гогин

Вадим Молодой

9-18

Леонард Калининков

Анатолий Гринвальд

19

Анна Протасова

Валерий Пайков

20-21-22

Геннадий Юшко

Елена Кацюба

Артем Терентьев

23

Святослав Хомич

24

Сергей Бирюков

25

Елена Кацюба

26

Амарсана Улзытуев

27

Маргарита Аль

28

Михаил Горбунов

Андрей Цуканов

Ольга Лебединская

29

Александр Моцар

Владимир Монахов

Ирина Силецкая

30-31-32

Лидия Григорьева

Наталья Шематинова

33

Александр Гельман

34-35

Петр Образцов

Елена Кацюба

Татьяна Зоммер

36-37

Виталий Комар

Анна Гальберштадт

Марк Ляндю

38

Валерий Мутин

Евгений Черников

39

Ольга Журавлева

Людмила Салтыкова

Алексей Бандорин

40-41

Татьяна Бонч-Осмоловская

Сьюзан Би

42

Евгений Степанов

Елена Зейферт

43

Акифуми Такеда

Ольга Левицка

44-45-46-47

Валентин Никитин

Петр Кобликов

Елена Пахомова

Андрей Житинкин

Константин Кедров

Маргарита Аль

Семен Гурарий

3-я стр. обложки

Андрей Вознесенский

А.А.Гусейнов

Елена Зейферт

Татьяна Данильянц

Литературоведение

Страницы 3, 9, 40

ПРОЗЫРЕНИЕ

Страница 34

ПОэма

Страницы 4, 20

вСПОмНИМ

Страница 30

Авторская билингва

Страницы 42, 43

Событие

Страница 44

Кант и танк

Главным трудом бога классической философии считается «Критика чистого разума».

С разумом у нас, прямо скажем, не чисто. Да и негусто. Могила Канта в Калининграде, конечно же, почитается, а вот мысли великого философа мало кому известны. Впрочем, известно, что Владимир Ленский «с душою прямо геттингентской» был «поклонник Канта и поэт». Не потому ли так стремительно оборвалась его жизнь на дуэли среди российских снегов? Как и судьба Пушкина, предсказавшего в «Евгении Онегине» свою дуэль на снегу. Однако всех поклонников Канта перестрелять в России не удалось. Даже неистовый Ульянов-Ленин, снабжавший тексты философов примечаниями типа: «попался, идеалистическая сволочь!», все же испытывал к нему постоянное уважение и даже включил его в «Три источника, три составные части марксизма» вкупе с Гегелем.

Великий Фет читал Канта по-немецки и очень рекомендовал Льву Толстому. Толстой отнесся к таинственному Иммануилу скептически. Ему не нравилась мысль, что Бога разумом постичь невозможно. Великого писателя до конца дней не покидала уверенность, что на самом деле все ясно и понятно, а Кант только запутал дело.

Эту мысль Толстого подхватил Михаил Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». Правда, вложив ее в уста не совсем положительных персонажей. Воланд говорит Берлиозу:

« – Но позвольте вас спросить, как же быть с доказательствами бытия Божия, коих, как известно, существует ровно пять?

– Увы, – с сожалением ответил Берлиоз. – Ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никаких доказательств существования Бога быть не может.

– Bravo! – вскричал иностранец. – Bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!

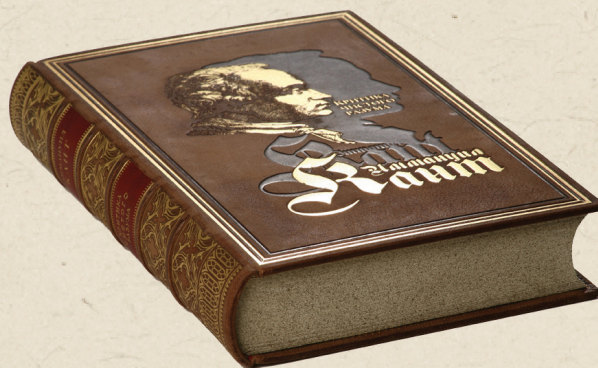
– Доказательство Канта, – тонко улыбнувшись, возразил образованный редактор, – также неубедительно.

– Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! – совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич.

– Иван! – сконфузившись, шепнул Берлиоз.

Но предложение отправить Канта в Соловки не только не поразило иностранца, но даже привело в восторг.

– Именно, именно, – закричал он, – ему там самое место! Ведь говорил я ему тогда за завтраком: “Вы, про-

фессор, воля ваша, что-то нескладное придумали!

Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут”.

Но, – продолжал иноземец, – отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже с лишком столет пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя!

– А жаль! – отозвался задира-поэт».

Эта дивная беседа на Патриарших прудах – вечный русский спор – велся и в те времена, когда Кант еще покоился в Кенигсберге, не подозревая, будучи в местах «значительно более отдаленных, чем Соловки», что окажется в Калининграде, где начитанный танкист нацарапает на его надгробии: «Теперь ты познал, что мир материален?»

Такой поистине всенародной любви не испытал ни один философ. Даже Маркс прошел как-то боком, не коснувшись души народной, а Кант стал героем русского литературного фольклора. Даже бессмертный Веничка Ерофеев в момент «святая святых», опрокидывая в себя бутылочку, тотчас отмечает, что не просто опохмелился, а превратил «содержимое» бутылки из «динг ан дих» (вещь в себе) в «динг фюр зих» (вещь для себя)

Для России Кант так и остался вещью в себе. Да и Германия в первой половине XX века устремилась от Канта куда-то в сторону, к дурно истолкованному Ницше. В то время как Россия помешалась на другом дурно истолкованном немецком философе. Однако «Германия туманная» уже в 50-х годах вышла из фашистского тупика и снова открыла Канта. Россия как-то замешкалась и после Маркса никак не может очухаться. Хватаясь сегодня за труды запыленных ранее философов, проповедующих «русскую идею», мы часто совершенно не сознаем, что топчемся на задворках немецкой мысли, проповедовавшей в свое время «немецкую идею». Идея не может быть русской, не-

мецкой или еврейской. Национальная идея – такая же глупость, как национальный кислород или русский водород. Пережив фашистскую чуму, немцы это поняли.

Помпезное государственное искусство каменной мускулатуры и железных мундиров – это для людей, никогда не читавших не только «Критику чистого разума», но даже не подозревающих о существовании «Критики практического разума». Искусство и Идея никому не должны служить. Искусство самоценно. Идея всемирна. Эти истины открыл Кант. Он жил в немецкой части Европы, раздираемой даже не межнациональной, а межрегиональной враждой. Может быть, именно поэтому он создал трактат «К вечному миру», где не устарел ни один абзац.

Принято считать, пишет Кант, что мир и дружба – это естественные состояния между близкими соседями. На самом деле естественным для людей и соседей является состояние вражды. Именно поэтому необходимо позаботиться о мире, обуздав естественную вражду разумной системой договоров. Если бы эти мысли Канта были прочитаны серьезными политологами, мы бы не удивлялись парадоксу, почему после семидесятилетних разговоров о любви и дружбе между народами СССР вражда вырвалась, как джинн из бутылки, и не обузданная системой разумных равноправных договоров разорвала страну.

Кант писал о вечном мире, а война настигла его в тихом Кенигсберге. В результате пусть недолгое время он был российским подданным, как все жители Кенигсберга. Правда, Кант этого почти не заметил, как, впрочем, и все остальные жители этого просвещенного города. Его мысль от проблемы вечного и такого недостижимого мира плавно перетекала к проблеме свободы такой же недостижимой.

И снова Кант, намного опережая время, приходит к выводам, в истинности которых россияне убедились сегодня.

Свобода каждого, утверждает философ, часто приходит в противоречие со свободой всех. Общество должно позаботиться о системе важнейших и тонких договоров, которые в равной мере должны обуздывать и посягательство личности на всеобщую свободу, и посягательство всех на свободу каждого.

Это, конечно, противоречит чрезвычайно распространенному убеждению, что воля народа, общества, государства важнее прав личности. Личность и общество для Канта абсолютно равноправны, и права отдельного человека ничуть не менее важны, чем благо общества. «Ты – ничто. Твой народ – все», – утверждал Гитлер. «Общественное выше личного», – талдычили коммунисты.

Словом, у Ивана Бездомного были все основания для отправки Канта в Соловки, где томились в застенках Дмитрий Лихачев и Павел Флоренский.

В конце жизни Кант неустанно повторял, что его система не завершена. Нет труда, который свёл бы воедино

философию, эстетику, трактат о вечном мире и космогонии.

На самом деле эта завершенность достигнута в одном высказывании, которое стало несохраненной эпитафией на несохранившемся доме Канта в Кенигсберге–Калининграде: «Звезды – над моей головой. Моральный закон – во мне».

В огне второй мировой войны Кенигсберг Канта был основательно разбомблен авиацией союзников, а над расколотым надгробием появилась надпись по-русски про материальность мира.

Есть еще одно доказательство бытия Божия, которое так гармонично завершает систему Канта. Имя Иммануил означает в переводе с древнееврейского «с нами Бог». Бог есть, если есть Кант. Кант есть, если есть Бог.

Константин Кедров в Музее Канта в Кенигсберге
у посмертной маски философа. 2012 г.
Фото Елены Кацюбы

Кантата Канта

Кант движется по
панели
трость
ударяет
в такт
шагов Канта

кантата такта
токката Канта

в чистом разуме
ему – замер числа

числа – семена в чреслах
вещь в себе
и вещь для себя

неужели же
непознаваемы
эти чресла

в непознаваемом мире Канта
муж и жена –
одна сатана
Софья Андреевна
для Льва Толстого –
вещь
в себе
и вещь
для себя

Я не раз просил у Фета:
«переведи мне точнее Канта»,
–

и Фет перевел:
«Я пришел
к тебе
с приветом...»

Кант отмеривает тростью
будущие
строчки Фета:
«я
пришел
к тебе
с приветом» –

я пришел к тебе
с приветом –
рассказать
что в мире Канта
нет вопроса на ответы

на надгробье в Кенигсберге
есть ответ
на все вопросы:
«сволочь, мир – материален», –
вот ответ на все вопросы
задаваемые Кантом

как сказал великий Шеншин:
я пришел к тебе с ответом

как Антиох в Кантемире
как Кантемир вокруг Канта
так Кант в антимире
так антимир в мире Канта
как Калининград
в Кенигсберге
так Шеншин в Фете –
вещь в себе
и вещь для себя
«Бог не есть имя,
но имя – Бог», –
сказал имяславец Лосев
критикуя Иммануила Канта
Фет не есть Шеншин
но Шеншин – Фет

«Кант открыл истории законы»
ding an sich
поставил у руля
Калининград стало зоной
свободной торговли
бля

от Кенигсберга
до Калининграда
проходит трасса
во времени
но не в пространстве
пространство –
это транс Канта
а время –
блядь
сука-сволочь-
проститутка-Троцкий
Кант попался...
попался Кант

Седьмое доказательство бытия Божия

Зверь разума издох
в его дыханье
осталась хрипотца
Святого Духа
он в виде голубя
упал
под ноги Канта
прогуливающегося
по Кенигсбергу

Не поминай
Имя Бога своего всуе
Но повторяй
Имя Господа своего всюду

Эммануил значит
с нами Бог
Иммануил значит
с нами Кант
Бог есть
если есть Кант
Кант есть
Если есть Бог

1991 г.

ВЕЩИ В СЕБЕ

Анаграмма – вещь в себе.
Рифма – вещь для других.
Слава Канту!!!!!!!

ОСМЫСЛИ
ОСЬ МЫСЛИ
ЛИМОНАД
ЛИМОН АД
БЕССМЕРТНЫЙ
БЕС СМЕРТНЫЙ
САМУМ
САМ УМ
О ПИСАНИЕ
ОПИСАНИЕ
Я ЖИВОЙ
Я ЖЕ ВОЙ
ПАРАГРАФ
ПОРА ГРАФ

* * *

Пишет Кант «Трактат о вечном мире»
Ну а всюду вечная война
Вот и я пишу о вечном мире
Мне и Канту не нужна война

Критикует Кант и мысль и разум
Ну а я уже не критикую
С «Похвалой глупости» Эразма
Над трактатом вечности воркую

Кант увидел противоречивость
Всех суждений обо всем на свете
Ну а мне чужда велеречивость
Как на том, так и на этом свете

Канту я не очень доверяю
Слишком Кант серьезен и разумен
Я же мысль свою всегда вверяю
Тем, кто с Кантом чуточку безумен

Есть еще там и «Пралигомены»
Я их не читал и не прочту
Но в китайской «Книге перемен»
Иероглиф мысли с Кантом чту

Кант открыл что вещь в себе таится
Вещь всегда в себе как в небе птица

НОЖ
УМ-
НОЖ-
ЕННЫЙ
НА
НОЖ
ПРИ-
УМ-
НОЖ
А РИФМ ЭТИКА
АРИФМЕТИКА
достоверно
до ста верно
Ли БО х
Ду Фу =
Либо
Ли Бо
либо
Ду Фу
вы рождаетесь –
вырождаетесь
вы читаете –
вычитаете

Борис Бартфельд
Калининград

Лошади и философия Канта

В Прекуле¹ сочные травы растут на лугах,
Кони щиплют траву, о морали людей рассуждая.
Конюх сбрую готовит и, седло на коня водружая,
Хвалит Рихарда Канта за упряжь и крепкий табак.

Он живет по соседству, по выходным молится в кирхе,
О жизни беседует с пробстом,
На реке ловит рыбу, с сыном своим
Читает псалтырь по-литовски,
Чинит вожжи, подпруги и постромки
И крестьянские седла украшает шитьем дорогим.

Сын растет и старается изо дня в день
В мастерской у отца, ремесло мудреца постигая,
Ведь для лошади важно, чтобы упряжь ее ездывая
Ей не терла нигде, и возить не мешала детей
И в возке, и в телеге, и в бричке, где сильнее качает
Мальчугана, чем мать в колыбели, висящей в литовской избе.

Скоро станет он мастером, и в искусстве тачать хомута
Превзойдет и отца, и всех шорников прусского края.
Мастерскую откроет он в Мемеле,² где распевая,
На телегах тяжелых извозчики грузы везут на суда
И обратно, не забывая, что для лошади очень нужна
И любовь, и забота, и ласка, и удобная сбруя от мастера Канта.

Жизнь идет, как издревле заведено,
И в семье уродится у шорника шорник, конечно.
Мальчик Иоганн Георг будет очень прилежно
Изучать у отца ремесло и немного письмо, ведь не вредно,

1. Предки И. Канта жили недалеко от Клайпеды (Мемеля) у города Прекуле. Прадед Канта Рихард говорил по-литовски, немецкого языка не знал. Одно время он арендовал трактир в Русне, затем женился на дочери хозяина трактира в Хайдекруге (Прекуле). Начиная с деда, мужчины из рода Кантов были профессиональными шорниками, занимались изготовлением упряжи для лошадей.

2. Дед философа Ганс Кант (сын Рихарда) стал гражданином Мемеля и хозяином шорной мастерской, здесь же произошло его онемечивание. Он умер в Мемеле в 1715 году уже как зажиточный бюргер. Мастерскую в Мемеле унаследовал старший сын Ганса. Младший сын Иоганн Георг уехал в Кенигсберг, где продолжал заниматься шорным делом и в 33 года женился на дочери шорника восемнадцатилетней Анне-Регине Ройтер. Свадьба состоялась 13 ноября 1715 года.

3. И. Кант родился в день святого Имануила 22 апреля 1724 в доме, расположенном в форштадте в пригороде на южном берегу Преголи. В том же году

Чтобы шорник умел прочитать из псалтыря то место,
Где Господь наставляет людей, что такое добро.

Мальчик вырастет вскоре и, возмужав,
Переедет из Мемеля в город столичный,
Где так много дает дополнительных прав
Членство в цехе ремесленном, домик приличный
На Форштадте³ вблизи от реки отыскав,
Он готов уж жениться на Анне Регине,⁴
Дочку шорника, замуж позвав.

Молодая семья обустроилась в домике теплом,
Иоганн Георг в мастерской возле порта работал,
А жена занималась детьми и вела
Все дела по хозяйству и в доме
И молилась усердно в Домском соборе.

А в апреле у Кантов рождается сын.
Он здоровьем не крепок. Сумеет ли выжить?
Но святой покровитель Иммануил
Перед Господом Богом за тезку просил – и он выжил.

Спозаранку в Кенигсбергском порту суета,
Разгружают и грузят суда.
И колеса телег о брусчатку
Так стучат, что спать больше нельзя.
В пять часов на ногах вся семья,
Что способствует навсегда
Установленному распорядку.⁵

Мальчик был просветлен
И в учебе старателен очень,
Любопытен весьма
И почтителен к предкам своим.
Он следил, как отец
Подгоняет упряжь под лошадь,
Но профессию выбрал иную,
Науке себя посвятив.

Философская практика – очень похожа по сути
На работу в конюшне среди лошадей
Или шорника труд,
Но философам все же значительно проще
Изучать поведение и моральный закон у людей,
Чем понять устремленья прекрасных, но все же коней.

И кому как ни сыну шорника Канта
Стать великим философом повелела судьба.
Ведь тому, кто сумел разобраться в повадках
Лошадей, тому понятней душа
Человека, природы и мироздания.

Лошади прусские⁶ сено жуют и траву,
Бегают в поле, круги в поводу нарезают,
А по ночам, лежа в стойле своем, размышляют,
Как табун лошадей занесло на висящую в небе луну⁷
И о шорнике Канте, вздыхая, тепло вспоминают.

произошло объединение трех средневековых городов – Альтштадт, Лебенихт и Кнайпхоф. Дом был расположен вблизи от ул. Портовой. Когда Кант стал знаменитым философом, его избрали почетным председателем Кенигсбергского цеха шорников, чем он очень гордился.

4. Мать И. Канта – Анна-Регина Ройтер из семьи шорника, приехавшего в Кенигсберг из Нюрнберга. Она сыграла определяющую роль в судьбе сына. Вся атмосфера семьи была пропитана «пиетизмом», который исповедовали родители.

5. И. Кант всегда жестко следовал установленному режиму. Вставал в 5 часов утра и начинал работать, ложился спать в 9 вечера. Ежедневно совершал пешие прогулки, о которых знал весь Кенигсберг.

6. Когда говорят о прусских лошадях, чаще всего имеют в виду лошадей «тракененской» породы. В 1725 году на востоке Пруссии в имении Тракенен (Ясная поляна, Нестеровский район) указом короля Фридриха Вильгельма I был создан государственный конезавод, на котором была проведена огромная селекционная работа. Выведенная «тракененская» порода лошадей имела прекрасные рабочие, физиологические и экстерьерные качества. Лошади этой породы составляли основы прусской кавалерии и широко использовались в хозяйственной жизни королевства, особенно в Восточной Пруссии. К окончанию второй мировой войны на конезаводе оставался табун численностью 800 чистокровных лошадей. В конце зимы 1945 года табун пытались перегнать на запад из зоны боевых действий. Однако, в Гумбинене (г. Гусев) табун попал в гущу наступающих войск и его перегнали обратно в Тракенен. После войны 600 голов элитных лошадей вывезли на конезаводы Ростовской области. Но часть лошадей осталась здесь, и их потомки по-прежнему живут на этой земле. Кроме Тракенена, крупными центрами разведения лошадей были конезавод в Георгиенбурге (возле г. Черняховска) и в п. Видерн (п. Суворовка Озерского района).

7. Среди научного наследия И. Канта есть несколько работ по астрофизике, космогонии, в том числе и о Луне: «О вулканах на Луне» (1785); «Нечто о влиянии луны на погоду» (1797).

Сергей Гогин

Ульяновск

* * *

многого не суметь и уже не сметь
и между строк маяком маячит медь
где не маячит там – неинтересно
плоско линейно елейно келейно тесно

жнец наводит на резкость и – в глубину
любишь кататься – полюбишь из двух одну
это твой выбор слегка несвободный естесно
акция – бонус – минута повыть на луну

мастер детали как правило близорук
блохи подкованы – вечность отбилась от рук
в роли заглавной какой-то дублёр неизвестный
ветер несет заголовок как смерть политрук

кто это вышел на волю такой большой
в потных портянках в опорках с больной душой
кто-то знакомый но кажется что неместный
как молдаванин с тошнотной китай-лапшой

что же из этого следует – будет мост
с русского острова в русский медийный мозг
в лобную тяжкую долю – из тьмы из бездны
только без крика без кантовых этих звёзд

ибо как сказано многого не успеть
и не посметь поиметь что обидно ведь
мы рождены чтобы с горки на санках с песней
даже если на ухо ступил медведь

как наступил так и слезет – он без когтей
есть у него хозяин что ест детей
он с каждый днем всё извес-извест-известней
главным сюжетом провернутых новостей

ибо как сказано – ибо сказал не ты
здрасьте соврамши в присутствии понятых
время для каменной жатвы и здесь ей место
и трезвый сторож в фартуке – у плиты

«Дайте человеку всё, чего он желает,
и в ту же минуту он почувствует, что
это всё не есть всё».

J. Kant

Вадим Молодой

Чикаго

АФАНАСИЮ ФЕТУ

Добро и зло, как прах могильный...

А. Фет

Добро и зло оставив за порогом,
я молча выбью запертую дверь
и в добродетель, ставшую пороком,
вонзят клыки лежащий в склепе зверь.

Под мертвой лапой скрипнет половица,
расколет гром ночную тишину,
и взмлет в небо каменная птица,
неся в когтях безвинную вину.

Зашелестят страницы древней книги –
оживших букв возвышенная речь –
и захрипит под тяжестью квадриги
нелепый шут, несущий миру меч.

Мне не дано ломать себя в поклоне,
но наяву, в бреду, в мечте, во сне,
я не Отцу, не Сыну, не Мадонне –
молюсь тебе, как ты молилась мне.

И с губ моих твое слетает имя,
но перед тем, как вызвать Смерть на бой,
добро и зло, и то, что между ними,
я на алтарь кладу перед тобой.

Вариации на тему

А. А. ФЕТ И КАНТОВА ЗВЕЗДНО-МОРАЛЬНАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

Две вещи наполняют душу всегда
новым и все более сильным удивлением
и благоговением, чем чаще и продолжительнее
мы размышляем о них, – это звездное небо
надо мной и моральный закон во мне.

*И. Кант. Критика
практического разума.*

Не подлежит никакому сомнению, что Кантов афоризм о звездном небе и моральном законе, венчающий «Критику практического разума», в русской поэзии вызвал к жизни устойчивый, перелившийся из века XIX в наш XXI век поток замечательных стихотворений (см. [3, с. 287–314]). Это может показаться неожиданным, но начало этому потоку было положено Афанасием Афанасьевичем Фетом. Пристрастное отношение Фета к звездам отмечалось всегда. «Вообще никто из предшественников и современников Фета не писал о звездах так часто, да и в нашей поэзии до Фета красота ночного неба обычно являлась одним из особенно выразительных элементов ночного пейзажа», – писал Д. Д. Благой [1, с. 623]. «“Диалог” со звездами начался у Фета в самом раннем его творчестве и продолжался всю жизнь», – вторит ему Л. М. Розенблюм [7, с. 32]. Однако А. А. Фет не ограничивается красотой ночного пейзажа: звездный строй и строй человеческой души, звездная твердь и твердость и чистота моральной воли не только связаны в его стихах эстетически, но сливаются в метафизическое единство, в котором присутствие Канта ощущимо почти всегда, почти всегда созерцание звезд перерастает в нравственные переживания.

Двадцатитрехлетний поэт-студент (было это в 1843 году) написал первое свое стихотворение о связи человеческой души и звезд, сохранившее юношескую наивность и непосредственность выраженных в нем мыслей и чувств:

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, –
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал ... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор... [10, с. 172]

Безыскусственность, с какой вылилась из души поэтическая мысль, стала достоинством стихотворения.

Оно рождено идеей философской, остановившей внимание Фета и претворенной в факт поэзии. Заключительная строка этого одного из первых на данную тему стихотворений – *И звезды люблю я с тех пор* – оказалась пророческой: звездное небо в его связи со строем растущей поэтической фетовской души сопровождало Афана-

сия Фета на всех этапах его творческого пути, составляя постоянный мотив его. Вспоминая, например, один из звездных часов собственной жизни в связи с прекраснейшими посвященными звездам стихами Ф. И. Тютчева, А. А. Фет писал: «Два года тому назад, в тихую осеннюю ночь, стоял я в темном переходе Колизея и смотрел в одно из оконных отверстий на звездное небо. Крупные звезды пристально и лучезарно глядели мне в глаза, и, по мере того как я всматривался в тонкую синеву, другие звезды выступали передо мною и глядели на меня так же таинственно и так же красноречиво, как и первые. За ними мерцали во глубине еще тончайшие блески и мало-помалу всплывали в свою очередь. ... Глаза мои видели только небольшую часть неба, но я чувствовал, что оно необъятно и что нет конца его красоте» [9, с. 149]. Из итальянского путешествия привез он удивительнейшие стихи. Даже если звездное небо – это и не прямой и не непосредственный предмет его поэтического вдохновения, он все равно так или иначе присутствует везде. У Фета стихи без звезд редки. Сама Муза поэта небесная [10, с. 276] – именно так обращается он к своей Музе в стихотворении 1857 года, а в 1882 году, посвящая ей новое стихотворение на 62-м году жизни, пишет:

Все та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе [10, с. 301].

Да, Муза Афанасия Афанасьевича Фета – в венце из звезд, и всю жизнь изливала она из его души звездные шедевры:

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,

Фото-инсталляция Елены Кацюбы (2012 г.)

И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль неся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону [10, с. 213].

Это ведь перед нами кантовский мотив наизнанку, здесь спорит он с Кантом, и это придает стихотворению особую глубину и прелесть. Безотчетное растворение в звездной красоте и мощи обещает райское блаженство, которому не отдаться нельзя, противостоять ему нет никаких сил, когда расслаблена, бездейственна воля, тогда как философ видел себя властелином бесконечной системы из подобных нашему Млечных путей. Кант и сам в замечательном «Заключении» к «Критике практического разума» понимает, что побороть это чувство беспредельности космоса, захватывающее душу и дающее понять, что ты пылинка в грандиозном вихре бытия, сможет человек, если не оказывается он во власти чувства, подавшего рассудку, а ведь это самое естественное в состоянии ночного безволия. Важно суметь опереться на беспредельное могущество своего разума, мобилизованного действенной волей.

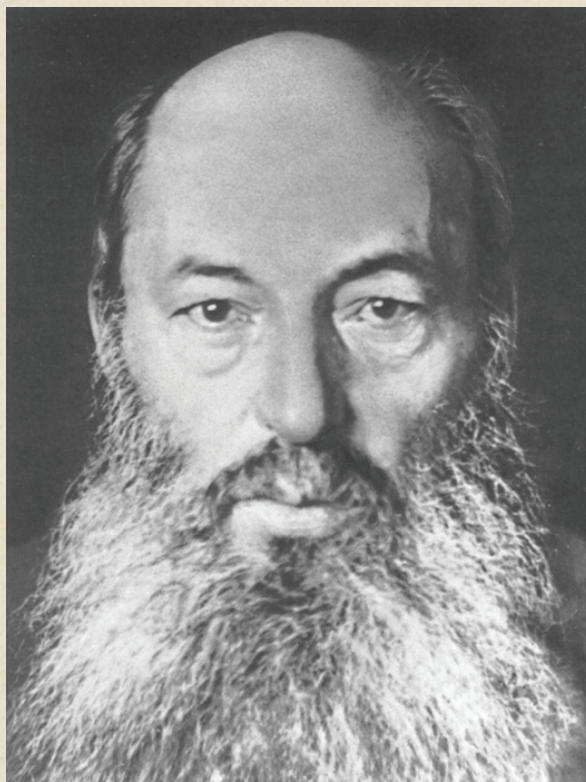
И еще в том же духе ... хоть продолжать можно долго:
Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О, окрыли – и дай мне превозмочь
Весь этот глеч бездушный и унылый!

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля – и теплится, как море.

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной [10, с. 292].

(1865)

Здесь уже поэт идет навстречу Кантовой точке зрения: зрелище ночного неба зовет подняться над мирозданием, страхнуть с себя все преходящее и осознать единство с вечностью мира. А. А. Фет вносит в стихотворение лермонтовский мотив, но в кантовской тональности. Падший серафим Лермонтова – Демон – чужд миру, им отвергнут и страдает от этого отчуждения, преодолеть которое ему не дано даже ценою любви. Нет, космос одной природы с нами, утверждает поэт, и, добываясь господства над ним, мы остаемся в его родственных нам объятиях.

Афанасий Фет

1. «Нептуну Леверье» в свете «Всеобщей естественной истории и теории неба»

Быть может, для того и образуются еще некоторые тела планетной системы, чтобы по истечении времени, предписанного для нашего пребывания здесь, уготовить нам новые обитатели на других небесах?
И. Кант. Всеобщая естественная история и теория неба.

Обстоятельства знакомства с изречением Канта о гармонически-дисгармонической связи горящего звездами неба и души человеческой могли быть разными. Возможно, услышал он это кантовское изречение из уст профессора в университете – неважно, филолога или философа; сам ли прочитал знаменитую кантовскую «Критику...» вслед за профессорской рекомендацией, чего исключить нельзя, зная, что немецкий язык он получил с молоком матери, а тяготение души к Канту пронес через всю жизнь. Интерес академической и просто интеллектуальной общности к немецкому классическому идеализму и Канту был высок на протяжении всего века. Скорее же всего, и в этом первом, и в ближайших последовавших стихах на данную тему сказало обсуждение ее в жарком студенческом споре образовавшегося вокруг Аполлона Григорьева и Афанасия Фета кружка увлеченных поэзией, философией и наукой друзей. Часто собирались они в доме, принадлежавшем отцу Аполлона Григорьева, где в

годы учения в Московском университете квартировал Фет. Можно с полным основанием предположить, что в первых стихах А. А. Фета на звездно-духовную тему обнаруживается знакомство его не только с «Критикой практического разума», но и с важнейшей естественно-научной работой докритического Канта «Всеобщей естественной историей и теорией неба» (1755). И, возможно, она играла здесь даже более важную роль. В истории науки эта работа занимает одно из почетнейших мест, интерес к ней время от времени обострялся по мере того, как сбывались ее теоретические предсказания. Но присутствует в ней и великая гуманистическая мечта: найти во Вселенной братьев по разуму и осваивать беспредельность космоса совместными усилиями, – а мимо этой идеи пройти и не обратить на нее внимание – выше сил любого поэта, даже не такого мечтателя, каким был Афанасий Фет.

«Всеобщая естественная история и теория неба» кончается следующим изречением: «Действительно, когда дух исполнен размышлений... тогда вид звездного неба в ясную ночь доставляет такое удовольствие, какое испытывает только благородная душа». – И Кант продолжает его словами, которые проливают елей в поэтически настроенное сердце: «При всеобщем безмолвии природы и спокойных чувствах заговорит тогда скрытая познавательная способность бессмертного духа на неизъяснимом языке и внушит неясные понятия, которые можно, правда, почувствовать, но нельзя описать» [4, с. 261]. *Неясные понятия скрытой познавательной способности*, какой является художественный вкус, в 1788 году, в финале второй великой «Критики ...», предстанут уже в виде ясных и отчетливых понятий морально-практического разума, выражающих абсолютный закон морали – *категорический императив*; но в первых из стихотворений Фета *какая-то связь*, родившаяся между поэтом и звездами, выражена еще на неизъяснимом языке благородной души.

Стихотворение «Нептуну Леверье» уже оставляет мало места сомнениям относительно близкого знакомства поэта с Кантовой космогонической гипотезой, ибо как предмет этого стихотворения – открытие в сентябре 1846 года планеты Нептун, осуществленное У. Леверье и И. Галле, – так и реалии его связаны с космогоническим трактатом Канта.

Что показательно и может только подтвердить мои предположения, так это одно из стихотворений Аполлона Александровича Григорьева, написанное в июне 1843 года, когда кружок юных интеллектуалов собирался особенно активно. Стихотворение это – «Комета». Стоит его прочитать, и мы сразу обнаружим присутствие в нем основополагающих идей космогонической гипотезы Канта:

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,
Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?... Она
Из лона Отчего, из родника творенья
В создання стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосоздания [2, с. 53-54].

Аполлон Григорьев использовал основные положения третьей главы из второй части трактата Канта «Об эксцентриситете планетных орбит и о происхождении комет» (см. [4, с. 171-177]). Кометы представляют собой легкие, незавершенные формирования (*недосозданные*) по сравнению со звездами и планетами сгустки космического вещества, эксцентриситет которых значительно отличается от планетного (*неправильный*). Наличие комет разрушает, естественно, гармонический строй системы. Каждой строчке здесь можно приводить соответствие из указанной главы трактата Канта. Но в сути своей стихотворение Аполлона Григорьева не о комете – оно о юности, романтически мятежной, с яростными душевными боями, в результате которых и происходит *самоочищение и самосозидание* человека-героя. Аналогия эта, столь отдаленная и точная, делает художественно-прекрасной риторiku стихотворения.

Но вернемся к Фету. Совершенно знаменательно открытие, описываемое в стихах. В такой ситуации поэзия часто грешит риторикой, но в произведении Фета отголоски ее служат скорее достоинством. Обычно же в поэзии великого лирика риторики нет даже в так называемых стихах «на случай», а это явный признак гениальности поэта.

Стихотворение написано буквально по следам замечательного открытия, совершенного в 1847 году, но когда А. Фет напечатал его в своем поэтическом сборнике «Стихотворения», околелитературная публика сочла это стихотворение обычным антологическим, посвященным богу Нептуну гимном. Внося его в список, очевидно, для последнего (пятого) выпуска «Вечерних огней», Фет к первоначальному названию – «Нептуну» – добавил фамилию открывателя Леверье, чтобы подчеркнуть, что древнеримский бог – владыка океана играет лишь аллегорическую роль в его гимне, героем же выступает вновь открытая планета. Вот это замечательное стихотворение, в котором мастерски использованы антологические мотивы. Для людей, не интересующихся естествознанием, они вполне могли оставаться единственными.

Нептуну Леверье

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса
Быть мне судьбою дано всеобъемлющей.
Ныне, крылья раскинув над бездной
Тверди, – ныне над высью я
Горной, там, где у ног моих
Воды,
Вечно несущие белую пену,
Стонут и старый трезубец Нептуна
В темных руках повелителя строгого блещет.
Нет пределов
Кверху и нет пределов
Книзу.

Здравствуй!
На половинном пути
К вечности, здравствуй, Нептун! Над собою
Слышишь ли шумные крылья и ветер,
Спертый нагрудными сизыми перьями? Здравствуй!
Нет мгновенья покою;
Вслед за тобою летящая

Феба стрела, я вижу, стоит,
С визгом перья поджавши, в эфире.
Ты промчался, пронесся, мелькнул и сокрылся,
А я!

Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою
Шумный полет? – Я принес
С жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трусами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе: здравствуй, Нептун!

Вечно, вечно,
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к тебе зазвучит по эфиру:
Здравствуй, Нептун! [10, с. 229—230].

По патетическому тону это, пожалуй, единственное творение А. А. Фета. И это естественно, так как высочайшей патетики заслуживает как само открытие, так и предсказание Канта о том, что очень велика вероятность «предположения о существовании ряда планет за Сатурном, опирающаяся на закон возрастания эксцентриситета планет с увеличением их расстояния от Солнца» [4, с. 130]. «На основании такого предположения, – развивает свою гипотезу Кант, – можно было бы, пожалуй, надеяться, что будут открыты новые планеты за Сатурном, более эксцентрические, чем Сатурн, и, следовательно, более близкие по своим свойствам к кометам; но как раз поэтому их можно было бы наблюдать в течение лишь короткого времени, а именно в их перигелии; это обстоятельство, а также незначительная степень их приближения и слабость их света мешали до сих пор открыть их и делают открытие их затруднительным в будущем» [4, с. 150].

Предвидение Канта было подтверждено еще при его жизни: в 1781 году В. Гершелем был открыт Уран. Открытие Нептуна, еще более полно соответствующее предсказанию творца космогонической гипотезы, вновь побудило не только ученых, но и культурную общественность Европы обратиться к этому докритическому кантовскому труду.

Кант – мечтатель, но и мыслитель (!) – сомневается и сожалеет: «Неужели она (наша бессмертная душа. – Л. К.) никогда не будет причастна к созерцанию остальных чудес творения (помимо Земли как нашей колыбели. – Л. К.) с более близкого расстояния? – Но все же надеется: <...> Быть может, для того и образуются еще некоторые тела планетной системы, чтобы по истечении времени, предписанного для нашего пребывания здесь, уготовить нам новые обитатели на других небесах?» [4, с. 259]. Фет, такой же мечтатель, как Кант, но не философ, а поэт (!), эту надежду обращает в реальность и возглашает: «Здравствуй, Нептун!» Орлом Зевса – в скафандре из железных перьев – парит поэт над бездной видной с Нептуна *тверди*, ибо, и с него глядя на необозримое звездное пространство, видишь те же строгие законы мироздания. И *нет пределов кверху*, как нет *пределов книзу*, так как свершает свое движение Нептун на половинном пути к вечности: космический хаос царит как до границ организованного звездно-планетно-

го мира, так и после него. «Немалое удовольствие – силою воображения, – пишет Кант, – перенестись за пределы завершенного творения в пространство хаоса и увидеть, как почти первозданная природа вблизи сферы уже образовавшегося мира постепенно теряется во всем несформировавшемся пространстве, проходя через все ступени и оттенки несовершенства» [4, с. 210]. – Философ и поэт соревнуются в силе и яркости воображения.

Сквозь призму непутизма видит поэт-орел поверхность Нептуна, зависнув над ним и летя вместе с ним в мировом пространстве: из пенящихся вод поднимаются горные выси, из вод формируется девственная поверхность планеты, не отравленная еще ни льющейся кровью, ни трупным запахом. По-другому и не может твориться обитель Нептуна.

Нового брата обрела Земля, новую территорию для ее обитателей: «Здравствуй, Нептун!»

2. А. Шопенгауэр об афоризме о звездах и морали и звездные мотивы в лирике А.А. Фета.

Вижу, солнца встают, юный означив век,
В тверди свершая свой тысячелетний бег;
Вижу, мчится
К светлым далям их вереница,
И за гранью этой игры
Взор беззвездные зрит миры.

Ф. Шиллер. Величие мира

Не только Кант, но и Артур Шопенгауэр будил воображение поэта. Правда, Шопенгауэр по-своему комментировал и развивал ставший популярным афоризм великого предшественника о звездном небе и моральном законе. Изречение Канта несет в себе глубокий эстетический эффект, свидетельствующий о зыбкой грани между чувствами прекрасного и возвышенного, их перетекании из одного в другое. Этот-то эффект и подвергает теоретическому анализу и пе-

реинтерпретирует его по своему вкусу Артур Шопенгауэр. У Канта эстетическое содержание его афоризма дополнительно к главному, каким является идея единства практического и теоретического отношений субъекта и мира, содержание, не замыкающееся в разуме, а оказывающееся свойством самой природы, если мы «определим природу как весь предмет *всего* возможного опыта (курсив мой. – Л. К.)» [6, с. 115], в его (опыта) историческом движении к царству целей. А. Шопенгауэр эстетическое содержание афоризма рассматривает совершенно самостоятельно, отвлекаясь от Кантовой проблемы. В его строе философских идей такая проблема даже не может быть поставлена. Тем обстоятельнее анализирует он эстетическое начало, скрытое в кантовском тексте.

Идея незаинтересованности эстетического сознания, бесцельной целесообразности как важнейшей черты суждений вкуса, развитая в эстетике Канта, становится у Шопенгауэра определяющей характеристикой художественно-эстетического состояния субъекта, с помощью которого он освобождается от направляемых волей событий, связанных законом основания. Созерцание прекрасной природы особенно непринужденно и безболезненно переводит человека в это состояние. Природе «почти всегда удается, – пишет Шопенгауэр, – когда она внезапно открывается нашему взору, оторвать нас хотя бы на мгновение от субъективности, от рабского служения воле и погрузить в состояние чистого познания. Поэтому даже человек, измученный страстями, нуждой и заботой, так внезапно, бросив единственный взгляд на природу, обретает отраду, просветление и бодрость: буря страстей, порывы желаний и страхов и вся мука воления сразу же чудесным образом умиротворяются» [11, с. 312]. Одно из прекраснейших природных зрелищ – созерцание звездного неба. Отправляясь от «Заключения» к «Критике практического разума», Шопенгауэр ставит идею Канта в зависимость от его же теории возвышенного, развернутой основателем философской эстетики в «Критике способности суждения», но существенно переосмысливает как первое, так и второе. Для Канта звездное небо прекрасно, и если рождается при любовании им чувство возвышенного, то это чувство характеризует не звезды (они прекрасны), а наше моральное самосознание, говорящее нам о нашем грядущем владении этим богатством и красотой, как овладели мы и поставили себе на служение Землю. Возвышенна мысль о величии разума и его могуществе. Мы – человечество – сами для себя конечная цель, космос – лишь средство, которое будет служить этой цели. Человечество и космос не чужды друг другу. Есть нечто, что их роднит. Шопенгауэр с этим решительно не согласен: мораль, считает он, нельзя примешивать ни к эстетике, ни к искусству. Иначе нам не оторваться от нудящего действия воли, не вырваться из кошмарных ее объятий. В эстетическом сознании кроется единственная возможность, утратив которую, мы оказываемся в крошечной тьме абсолютной безнадежности. Кантова идея, что чувство возвышенного – это уже не чисто эстетическое чувство, что природа его в значительной мере связана с моралью, претит Шопенгауэру. Следуя послушно за кантовскими образами и идеями во многом, в этом пункте он решительно протестует и заявляет, что «в объяснении внутренней сущности этого впечатления мы с ним полностью расходимся и не признаем здесь ни моральных рефлексий, ни *гипостазов схоластической философии* (курсив мой. – Л. К.)» [11, с. 319].

Гипостазы схоластической философии в системе Канта – это его безоговорочное признание мира вещей в себе не волей, но объективной, не зависящей от нас материальной сущностью; это его убеждение, что природа во всем богатстве и бесконечных проявлениях своих несет в себе материю вещей в себе и никак не может быть отождествлена с нами самими, с нашими представлениями. Возражая против этих *гипостазов*, философ мировой воли и скорби пишет:

«Когда мы погружаемся в размышление о бесконечной величине мира в пространстве и времени, когда думаем о прошедших и грядущих тысячелетиях, или когда в ночном небе в самом деле перед нашим взором предстают бесчисленные миры и неизмеримость мира проникает в наше сознание, – то мы чувствуем себя ничтожно малыми, чувствуем, что мы как индивид, как одушевленное тело, как преходящее явление воли исчезаем и растворяемся, превращаясь в ничто, словно капля в океане. Однако одновременно против такого призрака нашего ничтожества, против такой ложной невозможности восстает непосредственное сознание того, что все эти миры существуют лишь в нашем представлении как модификации вечного субъекта чистого познания, субъекта, которым мы себя обнаруживаем, как только забываем об индивидуальности, и который есть необходимый, обуславливающий носитель всех миров и всех времен. Беспokoившая нас ранее огромная величина мира заключена теперь в нас: наша зависимость от него устраняется его зависимостью от нас» [11, с. 319].

Кант находит опору в нашем величии, Шопенгауэр – в нашем ничтожестве, зато без раздражающих его гипостазов, которые всего-навсего наши представления. Однако А. А. Фета эти гипостазы нисколько не пугают. Его отношение к Шопенгауэру никак нельзя назвать не критическим, апологетическим. Ему нравится шопенгауэровская образность, свобода и непринужденность философских оценок, трезвость взгляда на жизнь. Особенного одобрения и интереса заслуживает, с

точки зрения Фета, эстетика и философия искусства, которые своей чистотой и полнейшей незаинтересованностью ничем, кроме самих себя, спасают человека от юдоли страданий, от вечной неудовлетворенности. Но в общефилософских вопросах поэт явно на стороне Канта, а не Шопенгауэра, что находит прямое выражение в его творчестве. Философская ориентация студенческой юности явно сохраняет приоритет в его душе: безоговорочная квалификация А. А. Фета в качестве шопенгауэрианца не просто спорна, но ошибочна. Стоит задать себе вопрос: пессимист ли такой поэт, который славит тончайшие нюансы любви и красоты мира, который выражает страстную надежду на преобразование в будущем всего уродливого и мертвящего, что успели накопить человек и природа, и уверен во всестороннем расцвете их? – станет понятно, что вопрос этот риторический. Самой логикой знакомства с Артуром Шопенгауэром Фет вынужден постоянно сопоставлять его с Кантом. Этого требует от своих читателей сам Шопенгауэр, заявляя, что «Критика кантовской философии» является пропедевтикой к «Миру как воле и представлению», и А. А. Фет сообщает, что добросовестно проштудировал ее, но этим

не ограничился, а взялся за самого Канта. Скорее всего, это было давнее намерение поэта, хотя и Шопенгауэр призывает к изучению Канта столь убеждающим образом, что не последовать этому призыву означало бы не испытать «духовного возрождения» и остаться «в плену естественного младенческого реализма» [12, с. 135]. Изучение Канта отвечало интеллектуальным потребностям Фета, стало его постоянным интеллектуальным упражнением: «Устойчивая и серьезная работа сделалась мне необходимою. Я стал читать Канта, перечитывал Шопенгауэра и даже приступил к его переводу: «Мир как воля и представление»» [8, с. 350], – писал он. Всякий, кто знаком с текстами того и другого, понимает, что Кант требует систематического и напряженного труда, а взявшись за перевод Шопенгауэра, нужно справляться о трактовке им идей Канта, сверяя его интерпретацию с оригиналом, от которых Шопенгауэр отправляется. А. А. Фет занят был именно такой работой, о чем свидетельствуют его письма.

В этой связи чрезвычайно интересно стихотворение «Среди звезд», написанное 22 ноября 1876 года, когда шла напряженная работа над переводом «Мира как воли и представления». Автор в этом произведении, погружившись в созерцание звезд, ведет сам с собою диалог, обращаясь с репликой к звездам и получая от них ответ – риторическую реакцию самого предмета рассмотрения. В диалоге этом сталкиваются две философские позиции, обе взвешиваются на весах философской мысли, и ответ звезд оказывается весомее. Стоит взглянуть на этот сияющий и такой уверенно-бодрящий мир скучными глазами Шопенгауэра, как тотчас же раздается в душе протест, исходящий от самих сверкающих бриллиантами звезд, заставляющий смотреть на этот мир, как и на мир вообще, с оптимистической надеждой. Звезды никак не могут согласиться, что они лишь представления нашего я.

Среди звезд

Пусть мчитесь вы, как я, покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность – мы, ты – миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло» [10, с. 97].

Две первые строки начальной строфы – шопенгауэрианские, поскольку звезды здесь – лишь представления моего я, даже числа, которые всего лишь пустой предмет счета. Они всего только расчерченные числовые комбинации световых пятен. «Считать не значит понимать, и счет сам по себе не дает понимания вещей, – пишет Шопенгауэр. И продолжает анализировать операции с числами: Можно даже сказать, там, где начинается вычисление, кончается

Памятник А.А.Фету. Скульптор Алексей Дворкин. Орёл.

понимание; ибо ум, занятый числами, полностью чужд, пока он вычисляет, каузальной связи и геометрической конструкции физического процесса, он погружен в отвлеченные числовые понятия. Результат же всегда отвечает только на вопрос сколько и никогда на вопрос что» [12, с. 62-63]. (А. А. Фет перевел и работу Шопенгауэра «О четвероугольнике корня закона достаточного основания», поскольку тот изучение ее рассматривает в качестве ключа к «Миру как воле и представлению»).

Можно повторить ранее приведенное рассуждение Шопенгауэра из «Мира как воли и представления», перефразируя лишь его конец: *наша зависимость от звезд устраняется их рабской зависимостью от нас.*

Но звезды решительно протестуют против подобной их аттестации. Во-первых, их нельзя сосчитать, а значит, придется все же отвечать на вопрос *что?* Даже если они всего лишь *иероглифы мечты*, но мечта-то эта *незыблема*, что может означать, что мечта эта дана субъекту извне, что устранить эту мечту не в его, впечатлительного субъекта, силах. Во-вторых, познание звездных миров, вечная о них дума – процесс бесконечный, и эмпирический субъект, существование которого на фоне вечности мира – лишь миг, даже если он знает о звездах все, что известно человечеству о них, располагает и в этом случае лишь тенью абсолютного знания. И в-третьих, со звездными мирами связан оптимизм человеческого существования. Лишь они сулят человечеству «беззакатный день». Все три аргумента А. А. Фета находятся в согласии с кантианством.

Однако ни критическое отношение к шопенгауэровскому пессимизму, ни отчетливое видение противоречивости его философских позиций не мешают Фету восторгаться Шопенгауэром, его *сладостным* (эпитет принадлежит А. А. Фету) стилем. До Шопенгауэра еще никто по философским вопросам так не писал. Скептическая трезвость шопенгауэровских оценок людей и жизни как она есть видна и в только что приведенном стихотворении. Особенно же импонирует Фету тонкое и совершенное чувство философа, смелость его философских оценок, точность художественно-критических суждений без малейшего преклонения перед авторитетами.

Одно из таких эстетических суждений Шопенгауэра послужило А. А. Фету для создания ряда лирических шедевров, посвященных звездному небу. Рассматривая роль света в эстетическом восприятии мира, Шопенгауэр отмечает его отрешенность от жизненных нужд, а следовательно, и нудящего действия воли: «...свет служит коррелятом и условием самого совершенного способа созерцательного познания, единственного, который не аффицирует непосредственно волю» [11, с. 314], обеспечивая возможность *чистой красоты* при всей значительности такой красоты для субъекта, и попутно выводит из этого одно следствие:

«Это воззрение на свет объясняет также невероятную красоту, которую мы наблюдаем при *отражении объектов в воде* (курсив мой. – Л. К.). Самый легкий, быстрый и тонкий способ воздействия тел друг на друга тот, которому и мы обязаны совершеннейшим и чистейшим из наших восприятий, – воздействие посредством отраженных световых лучей, – встает здесь перед нами вполне отчетливо, обозримо и полно в причине и действии, причем в больших размерах; отсюда наш вызываемый этим эстетический восторг, который коренится, главным образом, в субъективном основании эстетического наслаждения и есть радость по поводу чистого познания и его путей» [11, с. 314-315].

Этот мотив удвоенного водою неба у А. Фета вплетается в стихи, где красота чувств сливается с красотой природы и где прекрасные интеллектуальные чувства обостряются под действием непосредственных ощущений и восприятий игры света, а эти последние изошряются так, что, кажется, преодолевают нормальный порог чувствительности и проникают за его пределы. Например, одна из лучших лирических миниатюр, посвященных признанию в любви, открывается зеркально отраженной картиной:

Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река – как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то ... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

Небо и река поменялись местами, мир остранился, и стало возможным сказать то, что при свете дня звучало бы немислимо странно:

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабее
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею! [10, с. 264].

Признание в слабости в другой обстановке было бы просто невозможно. Душа снимает оковы самоограничения, условностей света, откровенность становится естественной нормой:

Молчали листья, звезды рдели,
И в этот час
С тобой на звезды мы глядели,
Они – на нас.

Когда все небо так глядится
В живую грудь,
Как в этой груди затаится
Хоть что-нибудь? [10, с. 282].

(14 ноября 1859)

Небесная чистота души – ее субстанциальное свойство. Пошлость сугубо приземленных интересов и дел большинства – это налипшая на прозрачных гранях души грязь, и как хорошо, когда в резонанс со звездным трепетанием может она эту грязь отряхнуть, отринуть ее от себя, чтобы вновь ощутить детскую чистоту изначальности. Только так существует блаженство человеческого бытия. Из постоянства этой Фетовой мысли, как из волшебного рога, изливались поэтические шедевры, каким стало, например, в том же плодотворном для Фета 1859 году появившееся стихотворение «Море и звезды»:

На море ночное мы оба глядели.
Под нами скала обрывалась бездной;
Вдали затихавшие волны белели,
А с неба отсталые тучки летели,
И ночь красотой одевалась звездной.

Любуясь раздольем движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу.
И с моря ночного, и с неба ночного,
Как будто из дальнего края родного,
Целебною силою веяло в душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскоре,
По-своему каждый, мы оба забыли:
Как будто меня убавляло море,
Как будто твое утолилось горе,
Как будто бы звезды тебя победили [10, с. 246].

Экспозиция в две начальные строки явно аллюзивна: она намекает на известные полотна чрезвычайно модного в середине XIX века немецкого живописца Каспара Давида Фридриха, с творчеством которого Фет основательно познакомился во время своего пребывания в Дрездене. «Двое, созерцающие луну», «Уединенный грот над морем...» слиты в одно целое в этих двух строчках. Но главное, конечно, для Фета – живописная мысль Фридриха. Грот – рождающее лоно Земли. Глядящие из него на голубовато-бирюзовое, прекрасное бескрайнее море, незаметно переходящее в еще более бесконечное небо, люди находятся как бы перед животрепещущим вопросом: вечно им быть привязанными к матери-земле или их мир – беспредельная стихия моря и неба? Растеряны герои К. Д. Фридриха перед этой тягой в бездну, перед желанием воспарить, как птицы, потеряны сами в себе... Сопрягая эту мысль с кантовско-шопенгауэровской идеей, Афанасий Афанасьевич Фет отвечает на вопрос Каспара Фридриха. Он над этой дилеммой уже размышлял: целебная сила звездного двоимирия потому и действительна, что природа наша сродни многомерности бытия.

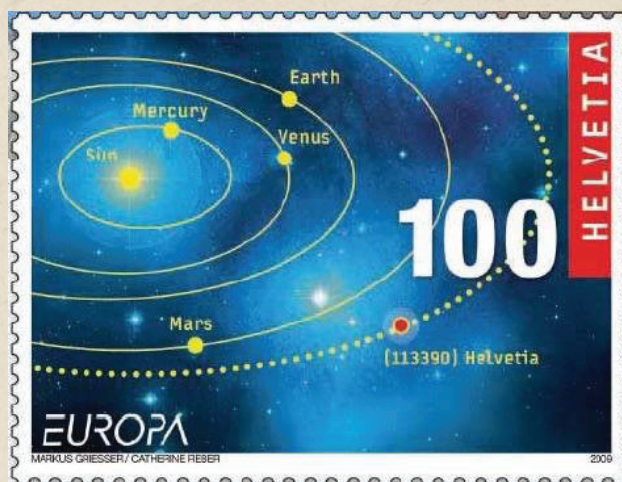
Почти точно за год до смерти А. А. Фет возвращается мыслью к картине удвоенного игрою света на воде звездного неба, виденной им в счастливые времена мужественной зрелости:

Качаясь, звезды мигали лучами
На темных зыбях Средиземного моря,
А мы любовались с тобою огнями,
Что мчались под нами, с небесными споря.

В каком-то забвеньи, немом и целебном,
Смотрел я в тот блеск, отдаваясь неге;
Казалось, рулем управляя волшебным,
Глубоко мне груды ты взрезаешь в побеге.

И там, в глубине, молодая царица,
Бегут пред тобой светоносные пятна,
И этих несметных огней вереница
Одной лишь тебе и видна и понятна [10, с. 246].
(17 февраля 1891)

Фет часто употребляет эпитет целебный, но разве не целебны сами такие стихи? Как возможно такое развернутое сравнение, что использовал А. А. Фет? Этот вопрос возникает невольно: уж очень неожиданно далеки сравниваемые предметы: скольжение корабля по морской глади, где проплывают мимо борта и остаются за кормой огненные всплески звезд, и движение какого-то неведомо фантастического плуга в груди человека, дающего возможность во взрезаемой им душе считывать духовную информацию. Как всегда, когда мы имеем дело со столь сложной аналогией, разгадку надо искать в *tertium comparationis* – в предмете-медиаторе: пробегая по морской глади золотые звезды – и мелькают тени прекрасных душевных движений на лице созерцающего звезды. «Звездное небо *подо* мной и моральный закон во мне» – бессмертный афоризм Канта – и есть этот третий член сравнения. Аналогия не была бы возможной, если бы не существовала в сознании поэта давно готовая модель, внедренная в души людей великим автором «Критики практического разума».

3. И. Кант, А. Шопенгауэр и астрономия.

С точки зрения философии астрономов можно сравнить с такими людьми, которые, присутствуя на представлении большой оперы, не развлекаются ни музыкой, ни содержанием пьесы, а все свое внимание обращают на механизм декораций и весьма счастливы, если им удастся в совершенстве разгадать устройство этого механизма.
А. Шопенгауэр. *Paralipomena. К Философии Природы и природовенинию.*

У А. А. Фета даже обязательный для великого поэта мотив *exegi monumentum* связан с миром звезд. Афанасий Афанасьевич Фет понимал непреходящее значение своего творчества. Ориентируясь на идеал добра и красоты, на чистый идеал, приближение к которому в настоящем было для него далеко не очевидно, он все же надеялся на возрастание значения своей поэзии в будущем. Стихотворение «Горная высь» выражает эту надежду поэта.

Только с высоты небес, только заглядывая в далекое далеко будущего и *бессильный вздох, и земная тоска* не отравят существования, избавят от отчаяния. Поэзия, если это настоящая поэзия, а у А. А. Фета она такова, и есть эта же «горная высь»:

Превыше туч, покинув горы
И наступя на темный лес,
Ты за собою смертных взоры
Зовешь на синеву небес.

Снегов серебряных порфира
Не хочет праха прикрывать;
Твоя судьба – на гранях мира
Не снисходить, а возвышать.

Не тронет вздох тебя бессильный,
Не омрачит земли тоска;
У ног твоих, как дым кадильный,
Вияся, тают облака [10, с. 311].
(Июль 1886)

Во второй строфе поэт нравственно-эстетического идеала обращается к библейскому образу лестницы на небо, по которой ангелы сходят на землю и вновь под-

нимаются на небо. В отличие от этой ангельской лестницы, лестница поэзии и самого поэта ведет только к небу, только ввысь. *Направиться вниз поэзия не может – она перестает быть поэзией!* Последнее десятилетие жизни Фета – 80-е годы XIX века – обнадеживало стареющего поэта: интерес к его творчеству обнаруживал себя все больше. Шестого мая 1890 года, за полтора года до смерти, написано им стихотворение «Угасшим звездам»:

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чутая, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха, –
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вздоха!

[10, с. 119].

Поэзия нерасторжимо переплетена здесь с философией, а та и другая – с космологией и космогонией. Как свет связывает в одно целое мир звезд, переживших гравитационный коллапс, и тех, что продолжает активно жить, так и стихи объединяют в общность человечество, связывают в целое творцов культуры, перешедших грань настоящего, с теми, кто не только есть, но и будет. А «Нептуну Леверье» свидетельствует нам, что бренность Земли нисколько Фета не пугала, как в стихотворении «Угасшим звездам» не пугает бренность звезд, то есть даже Солнца.

Фет, вполне вероятно, обратил свое внимание на проблему *невечности* звезд, переводя диссертацию А. Шопенгауэра «О четверояком корне закона достаточного основания». Обсуждая в этой работе проблему каузальности, Шопенгауэр подвергает критике «Третью аналогию опыта» из «Критики чистого разума» Канта, в которой последний утверждает, что «*все субстанции, поскольку они могут быть восприняты в пространстве как одновременно существующие, находятся в полном взаимодействии*» [5, с. 274 (В 257)]. Речь, как видим, идет о субстанциях, о том, что неизменно, так как только явления изменяются, а субстанции остаются постоянными. Их постоянство в общении и есть основание одновременности. Отсюда следует, конечно, очень важный для Канта вывод о единстве мира, о том, что если предположить какую-то субстанцию, которая никак не взаимодействует с другими, то ее существование проблематично, а главное, такая субстанция не имеет ни малейшего значения для мира: есть она или ее нет – безразлично для него. Этим принципом Кант исключает из существования всякую трансценденцию как субстанцию – исключает существование трансцендентного Бога.

Но Шопенгауэр отвергает Кантову категорию *взаимодействие*, считая, что с помощью такого рода *остатков догматической метафизики* в его системе явления, которые выступают лишь нашими субъективными представлениями, приобретают объективный характер и не отличаются этим от вещей в себе. Шопенгауэр, вслед за многочисленными интерпретаторами Канта, рассматривает это присутствие элементов вещей в себе в мире явлений как непоследовательность, противоречие в Кантовой системе; тогда как на деле абсолютное разграничение мира представлений и мира воли как мира вещей в себе самого Шопенгауэра вынуждает противоречить себе, поскольку он вводит между ними взаимодействие (без которого не о чем было бы философу мировой скорби и говорить), прежде всего, с помощью искусства.

Шопенгауэр, возражая против третьей аналогии опыта, пишет:

«Кант здесь доходит до того, что говорит: “одновременное существование явлений, которые не находились бы во взаимодействии друг с другом, а были бы разделены, скажем, пустым пространством, не могло бы быть предметом восприятия” (это было бы доказательством *apriori*, что между неподвижными звездами нет пустого пространства), и далее: “что свет, который *играет между* нашими глазами и мировыми телами (это выражение вводит понятие, будто не только свет звезд влияет на наш глаз, но и глаз на звезды), создает общение между нами и ими и таким образом доказывает их существование”. Последнее даже эмпирически неверно, так как *видение неподвижной звезды отнюдь не доказывает, что она существует теперь одновременно с тем, кто наблюдает за ней: доказать это может не более того, что эта звезда существовала несколько лет, а часто и несколько тысячелетий тому назад* (курсив мой. — Л. К.)» [12, с. 74].

Однако критика А. Шопенгауэра неверна. Во-первых, для него пространство – только преобразование интеллекта как форма созерцания (см. [12, с. 47]), а потому пусто, тогда как для Канта *пустое пространство* – идея разума («...оно во все не объект для какого бы то ни было нашего возможного опыта» [5, с. 277 (В 261; А 219)]), уводящая нас из мира, соответствующего *всему возможному опыту*, в мир сознания. Пространство как *априорная форма чувственности* (форма чувственного сознания) – это одно, а реальное пространство мира явлений – это совсем другое: оно неотъемлемо от субстантивного материального содержания. Шопенгауэр эту Кантову дистинкцию рассматривает в качестве догматического метафизического анахронизма: просто Кант не сумел полностью очиститься от догматической метафизики.

Шопенгауэр обращает наше внимание на метафору Канта «...das Licht, welches zwischen unserm Auge und den Weltkörpern spielt, eine mittelbare Gemeinschaft zwischen uns und diesen bewirken...», – которую истолковывает так, будто не только свет, идущий от звезд, влияет на наши глаза, но и глаза влияют на звезды, чего, конечно, у Канта нет. «Das Licht ... spielt ...» в данном контексте имеет тот смысл, что свет *переливается, блистает, сверкает*, то есть светимость звезд меняется в зависимости от их состояния и обеспечивает опосредствованное общение между нами и звездами: разумеется, общение одностороннее – звезды сообщают нам о своем состоянии, а мы понимаем эти сообщения и руководствуемся ими пока в сугубо земных делах. Звезды относятся Кантом к миру явлений; явления же, в отличие от субстанций, изменчивы. Согласно Кантовой космогонической гипотезе, как мы знаем, хорошо известной А. А. Фету, звезды ожидают как раз *гравитационный коллапс* (один из возможных сценариев в судьбе звезд по современным представлениям). К тому же в данном вопросе надо иметь в виду вторую аналогию, согласно которой «...новое состояние реальности вырастает из первого состояния, в котором ее не было, проходя через бесконечный ряд степеней, отличающихся друг от друга меньше, чем *о от а*» [5, с. 273 (В 255; А 210)]. Это означает, что звезды не исчезают бесследно, а переходят в новое состояние. Шопенгауэр, возражая Канту, не обращает внимания на упорное подчеркивание кёнигсбергским философом опосредствованного и изменчивого состояния явлений в ходе одновременного взаимодействия.

Соглашался А. А. Фет с шопенгауэровской критикой Канта в этом отношении или нет – вопрос открытый. Однако вполне вероятно, что обратил внимание Фет на утверждение Шопенгауэра о конечности звезд в связи с шумихой в прессе по поводу результатов эксперимента А. Майкельсона – Э. Морли, который они проделали в конце 80-х годов и который показал, что скорость света – константа с вполне определенной величиной и что суждения Шопенгауэра, высказанные более чем на 70 лет ранее этого эксперимента, справедливы. Столь явно обнаружившаяся прозорливость любимого им Шопенгауэра вдохновила поэта. Свою бренность он сравнивает с бренностью звезд, но не исчезают они бесследно – не исчезнут бесследно и его стихи. Финал стихотворения «Нептуну Леверье», обобщенный в свете всего двух строф, посвященных «Угасшим звездам», был бы таким:

Вечно, вечно,
Как бы ни мчались [вы, сестры мои],
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к [вам] зазвучит по эфиру:
Здравствуй[те, звезды]!

Афанасий Афанасьевич Фет проложил дорогу русским символистам. От него переняли увлечение философией и Артура Шопенгауэра, и, особенно, Иммануила Канта как старшие, так и младшие символисты. Тема *звездного неба и морального закона* стала и их темой. Ей посвятили лучшие свои стихи и Владимир Соловьев, и Дмитрий Мережковский, и Андрей Белый, и Вячеслав Иванов, и Александр Блок... Поэты XX века, а теперь и XXI продолжают эту традицию, начатую Фетом. Он «спровоцировал» поэтическое состязание, которое продолжается в русской поэзии вот уже третий век.

Список литературы:

1. *Благой Д. Д.* Мир как красота. (О «вечерних огнях» А. Фета) // Фет А. А. Вечерние огни. М., 1981.
2. *Григорьев А. А.* Комета // Григорьев А. Стихотворения. Поэмы. Драмы. СПб., 2001.
3. *Калинников Л. А.* «Звездное небо» и «моральный закон» — поэтическая тема в вариациях // Калинников Л. А. Иммануил Кант в русской поэзии (Философско-эстетические этюды). М., 2008.
4. *Кант И.* Всеобщая естественная история и теория неба // Кант И. Собр. соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 1.
5. *Кант И.* Критика чистого разума // Там же. Т. 3.
6. *Кант И.* Пролегомены ко всякой будущей метафизике ... // Там же. Т. 4(1).
7. *Розенблюм Л. М.* А. Фет и эстетика «чистого искусства» // Литературное наследство. А. А. Фет и его литературное окружение. М., 2008. Кн. 1.
8. *Фет А. А.* Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2.
9. *Фет А. А.* О стихотворениях Ф. Тютчева // Фет А. А. Соч. : в 2 т. Т. 2 : Рассказы. О поэзии и искусстве. Письма. М., 1982.
10. *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1959.
11. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М., 1993. Т. 1.
12. Шопенгауэр А. О четверояком корне закона достаточного основания // А. Шопенгауэр. О четверояком корне... Мир как воля и представление. Т. 1 : Критика кантовской философии. М., 1993.

Анатолий Гринвальд

Лейпциг

Первое послание Лао-Цзы из загробного мира

всё может и не так переплестись
в процессе поиска решения простого
и постепенно проявляются листы
как фотографии в химическом растворе
слов очень много – успевай их трать
как деньги после выигрыша в рулетку
и словно лекционная тетрадь
исписаны манжеты и салфетки
глаголы истиной локальною сочась
по новому предметы называют
диктуйте мне помедленней сейчас
не успеваю я записывать за вами
планета в космосе подвешенной висит
игрушкой ёлочной изящною и хрупкой
но где взять слово от которого весь мир
изменится словно подросток трудный
от поцелуя первого в каких
мне словарях его искать в какой же прессе
быть может его знают старики
сидящие на лавке у подъезда
оно короткое и весь формат листа
займёт едва ли как посланья Канта
его наверняка знал тот солдат
который лёг под танк с ручной гранатой
с ним не убить и веры не сломать
и кроткая в заношенной косынке
его прошепчет еле слышно мать
на зону провожающая сына
и сам не веря в эту красоту
его шекспир запечатлел искусно
оно стекало кровью по кресту
пробитого компостером исуса
его не отыскать нам в букварях
как это ни печально но всё реже
его влюблённые друг другу говорят
не раскрывая уст своих безгрешных
хоть велика его первоначальная цена
что я скажу навряд ли будет новым –
оно отыщет каждого из нас
как предназначенная пуля – рядового

Анна Протасова

Киев

* * *

Иммануил Кант
гуляет по окраине
думает
почему вдруг столько заборов
одни решётки
до кладбища и то
невозможно добраться

Слева пристань
справа газон
далась им эта
улица Беринга
а Гаванская она
от слова гавань или Гавана

Вдохнуть бы поглубже
лежать под арками
пока треснувший голос
внутри него
не объявит наконец
Нахимова стрит

Вариации на тему

Валерий Пайков

Израиль

НА КРАЙНЕМ ЗАПАДЕ

Среди зимы и слюдяных заносов,
непроходимых хлябей и разливов,
в садах, где гулко и чернеют сливы,
слезясь от сока, и тоскуют осы.

За гребешком солдатского забора –
под хрип гармошки и озноб дисканта,
и в двух шагах от замкнутого Канта
под крышей кафедрального собора.

В лесах, где след, брусчаткою проросший,
от хуторов, как оспенные меты,
и время в спину сквозь деревья метит,
и щёлкает затвором – понарошку.

Где дух смолистый падает с обрыва,
и эхо отзывается на окрик,
и где волны просоленная грива
сметает капли затвердевшей охры –

я всё брожу, и юный, и неюный,
натруживая мышцы и суставы.
Я всё прошу у дальнего июня:
дай милость мне шесть лет своих оставить

тебе в наследство. Разберись, как знаешь:
забуди, забрось былинкою на дюнах –
негромкой нотой, на осенних струнах
которую когда-нибудь сыграешь.

«Человек имеет склонность общаться с
себе подобными, ибо в таком состоянии
он больше чувствует себя человеком, т. е.
чувствует развитие своих природных за-
датков. Но ему также присуще сильное
стремление уединяться».

И. Кант

Фото-инсталляция Елены Кацюбы. 2012 г.

Можно:

ниже рептилий –
в эволюционный утиль.
Ласты приладим
и жабры
и – в жабы.
Если, по Дарвину, верно,
что эволюция – нервы,
и
даже двуклеточные –
черви
имеют ген самоубийцы,
что говорить о птицах!
Тем более о первых
лицах
животного мира?
Вира!
по-быстрому: вира!
иначе,
радиоактивные черви
размажут
по стенкам
блюдца
каменного каньона
наши 1-е лица
и, повечерев,
каменно улыбнутся.

5

Что мне
билдинги и мусор
каменной Америки,
когда дома –
на семи холмах –
готовы
каменеть
люди
и скверики.
Камни уже
перестукиваются в умах,
так,
что глаза бегут
вон,
и только сердце
тёплым
языком
пытается отогреть
от
идущей со всех сторон
стужи,
и
всё громче стучит
в каменный мир
моего разума,
как в колокол!

Или

хочет выпустить
стон,
или само –
живьём
вывалиться наружу,
чтобы – волоком
вытянуть нас
из дней
камней.

6

Каменные пустоты
городов.
В «Метрополитен» музей
или
в Эрмитаж
даже не надо
подмётками клацать –
ни врагов,
ни друзей,
местами:
обутленная сирень
или
голый ствол
чёрной акации

Елена Кацоба «Нашествие» (Компьютерная композиция).

Каменная гравитация
«великих»
ядерных наций.

7.
Век каменный!
Создан нашими руками
он врос
в мозга
ожиревшую пашню
так,
что даже
с высоты
карниза
«Эмпайр Стэйт»
башни
эллипс
траектории глаз
самопроизвольно
катится вниз.
Бис Америке!
И
России: бис!
Там
с «Эмпайра»,
тут
с Останкинской –
падаем.
Всё ближе –
низ
конечной станции:
«Запись».
Падаем,
не глядя,
в
век
всех
начал
– в ядерный.

8.
Век ядерный!
Ты – камень
и камень,
или
«камня на камне»?
Как мне
твою поступь
постичь?
Ты
куда мне дорогу
мостишь?
В доbibлейскую тишь,
в доязыческий крик
первородный,

или
в поры
гриба водородного,
или
к пращуру Зевса –
Урану,
и –
детей пожирателю –
Крону?
Я
нажимом пера
объявляю тебя
вне закона!

9.
Взгляд истощив полностью
и,
сердца бой износив –
из последних сил
почти обугленного голоса
кричу,
заглушая эпох децибелы –
Луна –
в крестовине прицела,
как малая
птица!
Куда переедут 1-е лица
и божья охрана,
когда хрустнет мир,
как баранка,
и
Солнце
ослепнет
от света,
которого – нету?!

10
... Взгляду Плиния
открылась сцена окаменевшего
ужаса:
камни смеялись, кричали,
ужинали.
Некоторые тела – голые.
Целуются головы.
Каменное вино на каменном
столике у изголовья
пепел поймал
всё – вместе с любовью.
Каменная идиллия:
мама укладывала сына спать,
камень ребёнка капризничает.
Над всем этим висит невод
окаменелых капель огненного
ливня.
Помпеи приняли,
но не отпустили Плиния.

Артем Терентьев

Калининград

Анита у фонтана Треви

*рука моя левая
рука моя правая
глаза мои сомканы, пусть
слова наши сомканы
и море бумажное
волнуясь, несет только грусть*

*рука моя – гусь
глаза мои карие
уста мои сомкнуты, каюсь
круги наши сомкнуты
и как по сценарию
в воде я купаюсь, смеюсь*

Эпиграф

*Стихотворение как
наибольшая пошлость
которую может
позволить себе поэт
после сего эпиграфа*

*просто исчезнуть
как дым в облаках
раствориться
бесцветно безумно
в бесконечность небесную
яд подмешать
и испить свою чашу
до дна
я хочу я мечтаю
исчезнуть как смысл
затаиться меж собственных
строк
и найтись лишь тогда
когда вырвется крик
порывая сознание сна
но вокруг облака
и я вижу их цвет
и вдыхаю их дым
и тону безмятежно
в твоём лоне
я – бык
и троллейбус подснежный
захватил мою суть
и сомкнул мне уста*

Святослав Хомич

Калининград

Пути-Дороги

Есть дороги – без дороги,
Есть – небесные пути:
Их дано пройти немногим:
Без молитвы – не найти.

Мир добреет: море в штиле,
Спит усталая волна:
Ветром брошенные мили –
За день, пройдены сполна.

Солнце ходит непрестанно,
Свой высвечивая путь,
Никогда не помышляя
В чью-то сторону свернуть.

От чего же в жизни нашей
У людей – полно идей:
Ищут путь теплей и краше,
Поудобней, и родней?!

В жизни нет дорог пологих:
Только ямы, да бугры.
Их не вымолишь у Бога:
Все для Господа – равны.

Мгновенье

Не торопи свои мгновенья,
Миг не вернешь звучаньем

слов:

У Мига есть свое значенье:
Им измеряется –
Любовь.

Процесс

В суде бывает людно:
В суде идет процесс.
Нет правых абсолютно,
Когда в законе –
лес.

Процесс идет
на равных:
Там только –
паритет.

По-своему –
все правы,
Виновному –
ответ.

Бесплодны разговоры,
Что чей-то интерес
Все разрешит бесспорно
И обойдет процесс.

Мудрость

Закончились слова,
Которые —
уместны.
Ну, что еще сказать:
Лишь Господу известно.

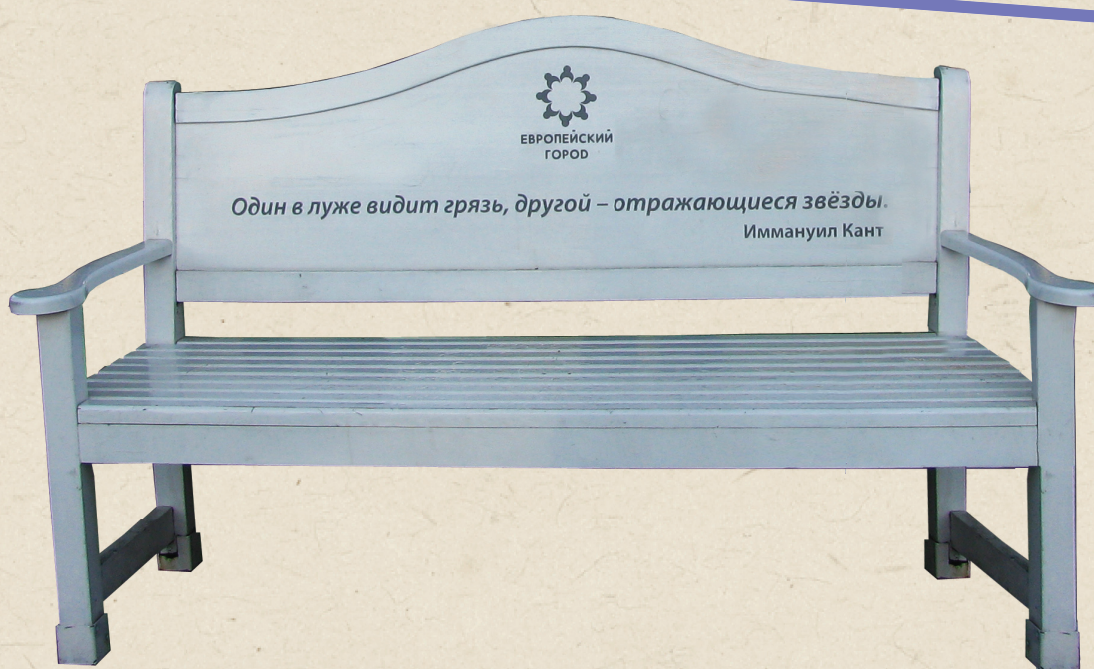
Утрата и покой

Коснулся я чужой печали,
И бросил взгляд на образа:
Там даже Ангелы, вначале,
От горя спрятали глаза.

Душа от боли обомлела,
Молясь, заплакала навзрыд,
И слезы запросто и смело –
Из глаз печальных потекли.

Бывают в жизни дни, когда
Душа внезапно замирает:
Она навечно, навсегда
Кого-то тайно оставляет.

В душе ушедшей отражаясь,
Стоял, безмолвствуя, народ.
Лишь только Ангелы кричали,
Что свой окончили полет.

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле

ПОИСК СУБЪЕКТА

... так много лет
поэт летит
как бабочка на свет
туда где ждет
его субъект
но встретятся
друг друга не узнают
меж тем они друг в друга
прорастают

поэт он то же
что субъект?

иль нет?

вот Гёльдерлин
он кто – поэт
или субъект?

никто наверняка
не знает

кто из кого
наверно вырастает

чьим языком
нам говорит поэт
иль это говорит
субъект

на первый взгляд
поэт...

а вдруг субъект!

давайте кинем
карты:
да иль нет...

поэт поэт
субъект субъект
поэт субъект
субъект поэт
итэдэт...

«Если мы
присоединим
ограничение
суждения
к понятию
субъекта,
то наше
суждение
станет
безусловно
значимым».

I Kant

ДЕЙКСИС ИЛИ САМОПИСЬМО

...Указательное поле телесности
трансмутрует в указательное
поле языка...

(В.В.Фещенко по К.Бюлеру)

Дейксис пишет сам.

(В.В.Фещенко)

разумеется разумеется
я сразу сразу попросил дейксиса
что-нибудь написать
в дейктическом (прагматическом) измерении
но непременно с перформативным эффектом
не забывая о «пикториальной самореференции»
(по У.Дж.Т.Митчелу разумеется)
мне особенно хотелось посмотреть
о! собенно!

как дейксис сможет использовать
эгоцентрические знаки-шифтеры
и речевые жесты
во всяком случае я не был
полностью уверен в том
что дейксис сможет
сможет легко
сможет легко перейти
от
иконического способа производства
к индексальному!
(по собственному опыту я знал
как это непросто
непростонепростонепросто
поэтому я на всякий случай
оставил в тексте
[...])

Елена Кацюба

ДООС – libelulla

АКСИОМА

без Я вселенная не Явна
без НАС вселенная не ЯСНА

Палиндромическая экзиСТЕНция

Скажу:

– Нет стеН

Скажут:

– Нет сил или стеН?

Скажу:

– Нет себе стеН

Скажут:

– Но стен нет – соН

Скажу:

– Нет садам ада стеН

Скажут:

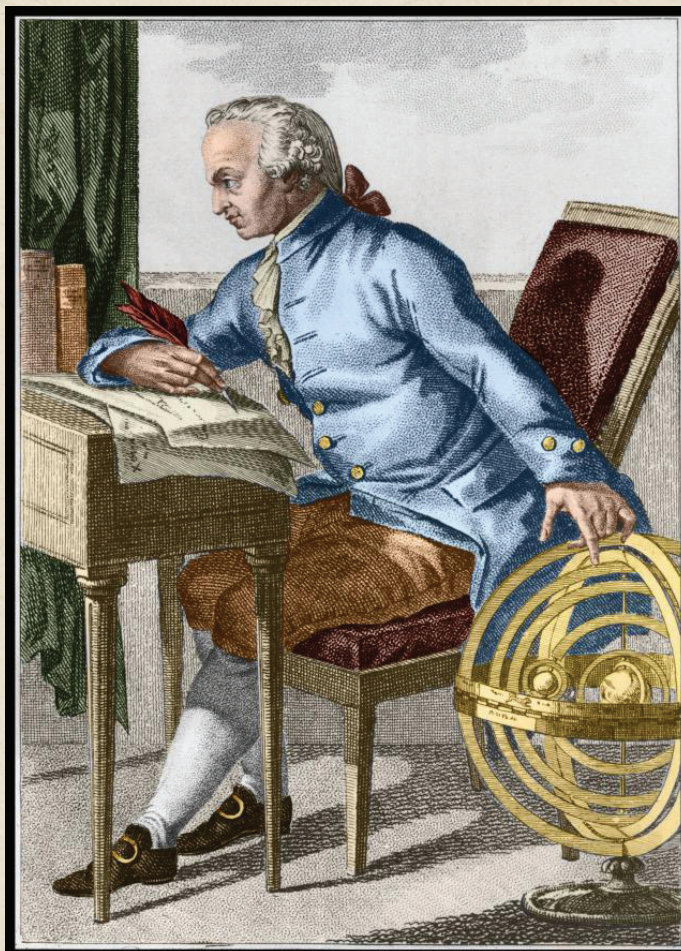
– Нет стона ран от стеН

Скажу:

– Нет суда в аду стеН!

на западе немцы
на востоке ненцы
а в середине мы –
НЕТцы

Иммануил Кант
сплел канат
из мыслей и слов
протянул от звезд к сердцу
а теперь смотрит сверху –
кто-то взбирается выше облаков
а кто-то внизу
без мыслей и слов

ПТИЦЫ КАНТА (пиццикато)

У Иммануила Канта был маленький сад,
и каждую весну он с волнением ждал прилета птиц.
И если птицы задерживались, он говорил:
«Видимо за Апеннинами еще холодно».

Когда позвонки в спине отзываются звону капли
значит приходит время ждать птиц из-за Апеннин
Каждая птица в клюве несет гнездо
а в сердце компас который надо непременно вложить в птенца
иначе ни один корабль не найдет своего причала
и самолет влетит совсем в не тот коридор
а каждый поезд въехав в туннель выйдет на станцию Дно
Конечно твой мощный ум может вычесть ничто из всего
и все умножив на ноль получить золотое число
но если в извилах мозга нет очертанья летящей стаи
значит птица тебе – непереходный глагол «летать»
И если строгим карандашом ошибку перечеркнуть
останется сад ожиданий где небо летает птиц

Амарсана Улзытуев

* * *

На древней картине,
Где тысячу лет назад
Разбилось мгновение о полотно –
Увидел я радугу.

Дальним концом упиралась она
В зеленеющий луг,

А ближний конец ее падал
В мою ладонь...

ПАВИЛЬОН ДОЖДЕЙ

Ты опять пересинила взглядом небо
и вздохом сгрудила янычар-облака,
воительница!

Кто умеет лучше тебя розгами грозы любить!

И, обходя неподвижные от злости лужи,
я опять охвачен вельможным чувство к тебе,
и отвращением к Ли Бо
(китайский Силлен,
небожитель свергнутый с неба
за чрезмерную страсть к вину,
вдохновитель моей правой руки,
и покровитель пяти континентов левой).
Странники-мысли отсиживаются в харчевнях лет,
и треновая дама покинута рыцарем чувств.
Паяц язык перебарывает себя
и скромные монашенки-зубы объаты бубликом.

А ты повсеместная моей тоской
и повседневная моими нервами
так нежно рушишься вдруг
и плавно забираешь сердце кончиками капель.

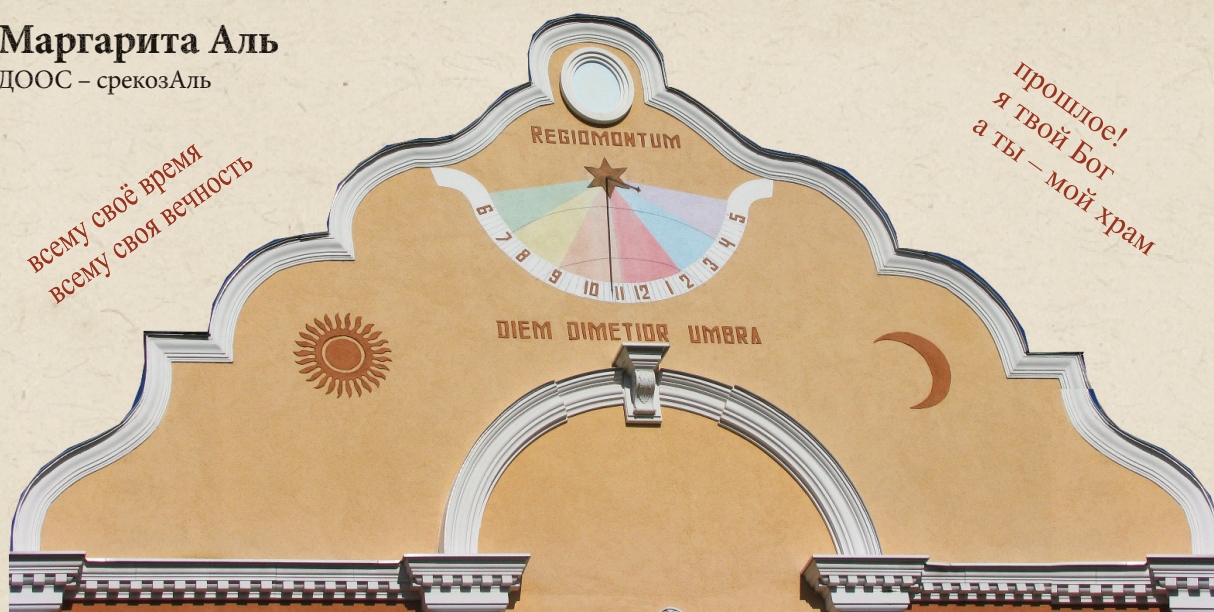
Возьми ж тогда и жилетку промокшую тобой
и эту собачку ситцево глядящую на меня,
воительница!

* * *

Ты пушинкой во взгляде-материке
и этот воздушный вечер:
не ешь мучное, полутьма, печенье
и собранный воедино я,
непревзойденный в своих мученьях.
Пожалованный орден «Пушистый тигр»
и жаворонковые ресницы
меня изнежили от края и до края,
и музыка на павьих ножках длится,
и, плавный до слезинки, я.
Но, жаль, что понемногу, понемногу врозь,
что циферблатно сердце,
что в черно-белом «до свиданья» – вскользь,
что непременно поцелуй с косичкой,
что, крошечным вулканом, я...

Маргарита Аль

ДООС – срекозАль

*
НЕБО – не БОГ
НЕБО – воз ДУХа

*
земля
притягивает тело
душа
притягивает вечность

*
перекати поле
перекати море
перекати небо

*
ветер
на моих подошвах
иногда оставляет следы
в мир идеальный
завтра вернусь на рассвете

*
жизнь перестанет быть абсолютной ценностью
как только объявиться ценность смерти

*
ветер
кто станет ласкать твои крылья
кто вспомнит
где спрячется ветер

*
Бог охраняет Рай
Рай охраняет Бога

*
родиться в совершенном мире
благо
родиться в мире несовершенном
тоже благо
не родиться
тоже благо

*
верните бочке Диогена
верните Диогену бочку
верните Диогена в бочку
верните бочку в Диогена
верните бочку с Диогеном

*
увы, вековая
увы, традиция
увы, жития

*
словами молятся слова
сердцами молятся сердца
глазами молится душа

*
XXI век
ситуация совершенно парадоксальная
Мир не то что бы не хочет мира
Мир хочет справедливой войны

*
насыпьте корм для чаек и ворон
насыпьте корм из чаек и ворон

*
ночью
поймала за крылышко луч
утром его отпускаю

«Красота поступка состоит прежде всего
в том, что его совершают легко и как бы
безо всякого напряжения».

Маргарита Аль

Михаил Горбунов

ВСЕОБЩЕЕ

Все бродит Исаак рассеян
вдоль океанского берега,
что камешками усеян.
Он собирает их бережно,
чтоб понять наконец:

ВСЕ есть откуда?
В С Е суть от чуда?
В С Е сотворил Творец?
В С Е по плечу,
В С Е ему нипочем!
Что же Природа –
почти ни при чем?

Не измышляет гипотез
Ньютон
все камешки собирает он...

ЛЮБОВЬ К МАТЕМАТИКЕ

Математика – не наука...
Скажи математику, ну-ка!
То ударника Ричарда шутка.*

Любовь – тем более не наука,
но порою приятная штука.

Вместе они – всеобщий Язык.
Мудр лишь тот,
кто Язык сей постиг...

*Математиков «обидел» Ричард
Фейнман, лауреат Нобелевской
премии по физике и...
джазовый барабанщик.

«Математика – это наука, брошенная человечеством
на исследование мира в его возможных вариантах».

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

А А
 V
V V
А А

Витрувианская женщина –
золотое сечение неги.
Развёрсто зияешь трещиной
меж мною дольным
и горним небом...

Андрей Цуканов

Нью-Йорк

СКАЙП

Звиад посмотрел на темное ночное осеннее
Но все еще звездное американское небо

Вчера у брата на свадьбе был
В Грузии – по скайпу
Настоящий Саперави пил
Настоящий шашлык кушал
По скайпу
Какие песни пел!
По скайпу

Сегодня с женой и дочкой был
По скайпу
Три года дочке
Папа ты мне крекеры купишь
Конечно куплю
Папа ты мне куклу купишь
Куплю конечно

Звиад посмотрел на темное ночное осеннее
Но все еще звездное американское небо

Уйду я обратно в Грузию
И вошел в скайп.

Ольга Лебединская

ДООС – одуванчик

Днепропетровск

СТРАННИК

А странник сидит и сидит у компа согнувшись,
И гуглит по миру, он ищет, он просит Весть.
Глаза его рдяны. В наушниках тонут уши.
Он вдавлен в кресло. Он весь с головой не здесь.

Он страшно не здесь. Глядит, как в златые сети
Попалась Златая Рыбка – Планета-Мать.
И черной волною с йодом повеяло в интернете,
И странник подумал: корыто пора менять.

Ведь у соседа справа есть новый лексус...
А у соседа слева другой рено...
Опять Фукусимой дальней вздыхает местность:
Радуйся, дурень, тому, что сейчас дано!

Радуйся, дурень! Как милость прими юродство,
Не упивайся вязким своим трудом.
Празднуй субботу и с Тем, неземное сходство,
Кто подарил тебе лучший на свете дом...

Александр Моцар

ДООС – лавразавр
Киев

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

ВТОРИЧНЫЕ МЫСЛИ ПОЛУПРАВДЫ

«Опасайтесь полуправд – вам
может достаться не та половина».
Иммануил Кант

*

Мы все вторичны... Вторичны – это еще сильно сказа-
но, господа поэты!

*

Человек придумал (выпросил, вымолил) своё исклю-
чительное положение во Вселенной. На самом деле
для Бога (мирового разума) все равны – цветок, бу-
кашка, птица, зверь и человек...

*

У Бога всегда – весна или лето! У дьявола – отличная
компания безбожников... Ад перенаселён отбросами
общества! Рай – хорошая экология без человека!

*

Убойная сила небытия... Лучше и надежнее всего обе-
зболивает смерть! Смерть – прикус времени...

*

Человечество пытается протиснуться в космос – но за
100 лет активного вмешательства всего лишь потыка-
ло иголочками ракет вокруг... А ведь на дне воздушного
океана всё есть для нормальной жизни человека...
Но человек мечтал, мечтал, а потом взял и полетел...
Теперь на дне воздушного океана, где всё было, так
многого для всех не хватает...

И зачем только люди научились летать?

А премудрый песчарик – всё еще знает своё место...

Ирина Силецкая

кандидат социологических наук
друг ДООСа
Прага

Тоска без весомой причины

Глыбой бетонной слова опускались
На прошлое наше, и нам показалось,
Что слышали где-то уже эту прозу,
Уже вынимали когда-то занозу
Размером с бревно и из самого сердца,
Как будто просились уже мы погреться,
И чей-то огонь нас сжигал без остатка,
Сжигал наши души, потрескивал сладко.

Тоска без весомой на это причины,
И горло, зажатое в пальцах ангины,
Глаза от бессонницы красного цвета,
И вспышки неона небесного где-то
На улице, где никому ты не нужен.
Бессонница поступью тихой по душам

Пройдет и оставит огни гореть в окнах,
И сотни подушек останутся мокнуть,

И тысячи взглядов пройдут мимо цели
И скажут наутро: «Куда мы смотрели?»
Горячее некогда сердце остынет,
Не чтоб умереть, полежать чтоб в могиле,
Примерить к себе деревянные стены,
Сказать себе: «Я же почти что Коперник,
Я новое что-то несу в этот мир,
Спасу я страницы от слез и от дыр!»

Я против того, чтоб читать это чтиво,
Как в мире все умно и гладко, красиво
Расставлены как нам ловушки природой,
Игра как продумана с нашей свободой.
Недаром огонь так зомбирует взгляд,
Недаром всю правду нам не говорят.
Опять ищем смысл в выражах пантомимы,
Опять в нас тоска без весомой причины.

Лидия Григорьева

ДООС – стреканка
Лондон

ВСПОМНИМ

"Ведь существует издавна утверждение, что
гению присуща некая примесь безумия".

Григорий

ПОТОК ВРЕМЕН

«Ах ты, тоска проклята! О докучлива печаль!
Грызешь мене измлада, как моль платья, как ржа сталь!»
Григорий Сковорода,
Песнь 19-я, сложена в стенах переяславских

Вот вышел прочь Сковорода,
ушел философ,
он в золотое никуда
направил посох.

Он прах с постолов отряхнул,
войдя в стремнину.
Поток времен его тянул,
толкая в спину.

Он шел вперед, а время вспять
навстречь бежало,
хотел схватить его, но пясть
не удержала.

Поди попробуй, добреди
до вольной дали.
Осколки звездные в груди
его застряли.

Вдали, у лунного моста,
ветрила лопасть,
а дальше только пустота,
провал и пропасть.

Он этот мрак перемогнул,
шагнувши сразу.
И даже глазом не моргнул,
почти ни разу.

Вокруг ковыль да молочай,
полынь да мята.
Ах ты, докучлива печаль,
тоска проклята!

Стальное лунное литьё
с небес струилось.
Все упованье на нее –
на Божью милость.

Тогда, хоть будь совсем слепой,
избегнешь ямы.
Читай апостолов и пой
псалмы медвяны.

Он шел, как цепом молотил,
степную глину,
а ветер гнал его, крутил,
толкал в хребтину.

Тянул печали вервие
по бездорожью.
Из жизни вышел в житие
по слову Божью.

Гляделась посохом клюка,
клубились рядом
и восставали облака
небесным градом.

«Прочь ты, скука,
прочь ты, мука,
с дымом, с чадом!»*

21.10.04

СТЕПНОЙ ПСАЛОМ

Он снова дал себе зарок,
да вот стезя влечет...
Степной горячий ветерок,
до сердца пропечет.

Взошел на древние холмы,
где ждут среди травы
медоточивые псалмы,
рычащие, как львы.

Сухие стебли старых слов
горят костра посреде,
ни докопаться до основ,
коснуться не посметь.

И он стократно бьет челом,
и упадет ниц,
пока вокруг степной псалом
звенит, как стая птиц.

От этой истовой мольбы,
от ночи и до дня,
вокруг него стоят столбы
небесного огня.

Он был бы рад глаза смежить
да гложет непокой,
он тшится дух переложить
силлабовой строкой.

Благим огнем озарена
словесная листва,
взошедши из сего зерна,
из семени псалма.

«Не пойду в город богатый.
Я буду в полях жить,
Буду век мой коротати,
где тихо время бежит».**

24.10.04

* Г. Сковорода, «Сад Божественных песен», Песнь 19-я.

** Григорий Сковорода, Песнь 12-я. Из сего зерна: Блаженны нищи духом

КОЧЕВНИК ДУХА

«Мир меня ловил,
но не поймал»
Надпись на могиле философа
Григория Сковороды

Кочевал по селам, вечевал.
У вдовы вечера, врачевал.

Ломаного гроша не имал –
мир меня ловил, но не поймал.

Раз услышал – бьют колокола:
ночь до края света пролегла.

Нездоровый сон одолевал,
но лукавый – не околдовал.

В поле непрогретом зоревал,
только лишь на Бога уповал.

Как ни бился, как ни горевал –
речь мою никто не понимал.

Но услышал – бьют колокола.
Жизнь меня настигла, догнала.

Уходил дворами, утекал –
мир вдогон корил да нарекал.
Ни тепла, ни хлеба не просил.
В торбе Слово Божие носил.

Воротился – бьют колокола.
Ночь от света клочок оторвала.

Не смутился, к небу
не воззвал –
сам могилу загодя копал.

Как ни торопился, ни спешил –
смертную рубаху сам пошил.

По три раза землю обогнул.
Но зато и умер – как уснул.

Всем казалось – в сети угодил.
Только мир раздался,
пропустил.

31.07.00

Наталья Шематинова

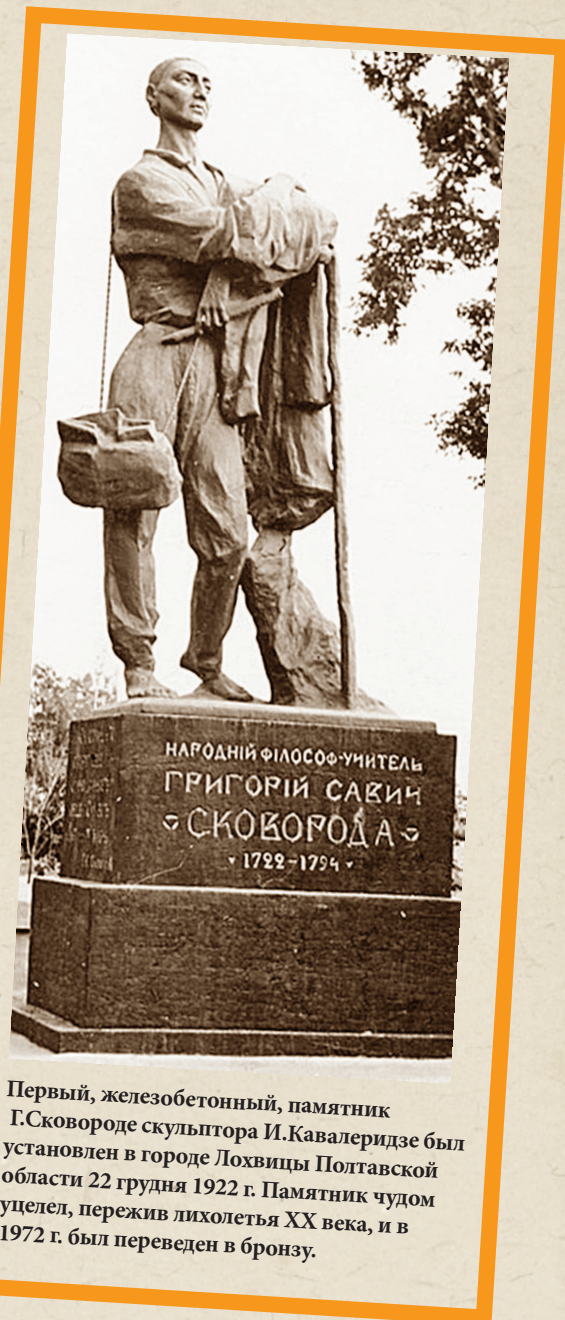
ДООС – кинозавр

Неизвестный сценарий фильма о Григории Сковороде

В Киеве есть памятник работы Кавалеридзе, где Сковорода изображен со свирелью в руке, стопкой книг, опирающийся на палку, стрижка «под скобку» – простой сельский учитель, выходец из народа. Ивану Кавалеридзе было почти девяносто лет, когда он закончил бронзового Сковороду. В оригинале по замыслу автора Сковорода должен был прийти к Киево-Могилянской академии босой. Но идеологическое начальство города решило, что не пристало философу ходить без обуви, и надели на него постолы. Говорят, под мышкой философ держал Библию, на шее у него висел крестик. Но перед открытием священную для христиан книгу переделали в сумку, а крестик срезали.

Одной из тем творчества царского и советского скульптора, режиссера и художника кино Ивана Кавалеридзе являлся образ философа Григория Сковороды. Гений отображен им и в скульптуре, и в кино и в драматургии. Философ в понятии Кавалеридзе – это собирательный народный образ. Сковорода выступал не против Церкви как института, – ни в жизни, ни в сценарии, ни в фильме. Более того, он сделал много для нее полезного.

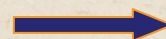
В 1958 году на Киевской киностудии им. А.Довженко запускается картина «Григорий Сковорода». Режиссер И.

Первый, железобетонный, памятник Г.Сковороде скульптора И.Кавалеридзе был установлен в городе Лохвицы Полтавской области 22 grudnia 1922 г. Памятник чудом уцелел, пережив лихолетья XX века, и в 1972 г. был переведен в бронзу.

Кавалеридзе. По словам очевидцев съемок, эпизод ярмарки в фильме планировалось снимать в Сидневе – это сцена встречи Сковороды и губернатора. Сидящий Сковорода должен был находиться в окружении слушателей – народа. К нему подходит губернатор, и происходит совершенно в булгаковском стиле диалог о жизни и театре: – Честный человек! Почему ты не возьмешь себе, соответственно учености твоей настоящей, большой должности?

– Сударь мой! – ответил Сковорода. – Мир подобен театру: артиста не за большую роль хвалят, а за то, как он исполнил свою, хоть и маленькую.

Делать фильм о религиозном философе в условиях жесткой хрущевской политики атеизма – такое дорогое стоит. В тот период киевская киностудия наравне с «Мосфильмом» снимает антирелигиозные картины: «Иван Франко», «Триста лет тому», «Иванна», «Цветок на камне».

Сценарий «Григорий Сковорода» ничуть не выбился из ряда переписываемых работ под каблуком цензуры (один из вариантов сценария фильма; т.е. сцены здесь описанные в окончательный вариант картины не вошли. Кавалеридзе И. «Григорий Саввич Сковорода», лит. сб. В. 1-й – «Киев. киност. худ. фильмов им. А. П. Довженко», авт. маш. (1955). ЦДАМЛІМ Укр.; Ф. №670, оп. №2, д. №570).

И все-таки именно в первом варианте сценария хорошо видна та подоплека, ради которой, возможно, автор и затевал всю картину. Эпиграфом стала цитата из самого Сковороды: «Мир ловил меня, но не поймал». По сути, это тезис, определяющий весь сценарий. Кавалеридзе представил путь Сковороды как бесконечную вереницу ловушек мира для божьего человека. Довольно точно удалось автору передать образ исторического лица. Похожим вышел Сковорода Кавалеридзе и на описания, данные биографическими источниками.

Разносторонний характер Григория раскрывается в его отношении к себе: «Если бы я знал, что могу рубить турка, то, привязав гусарскую саблю и надев кивер, пошел бы рубить. Да это ли дает жизнь людям? Века исканий, испытаний, мученичества – не это ли готовит народы к истинной жизни?!» Эти слова иллюстрируют внутренние труды самого философа, одна из мыслей которого состояла в познании себя. Сковорода советовал: не входить в «несродную статью»; не нести должность, природе противную; не обучаться, к чему не рожден. Указать свою «сродность» – одна из важнейших задач самопознания и раскрытия воли Божьей, пребывающей в человеке. Вне удачного решения этой задачи не может быть для человека и речи о счастье.

XVIII век в России – время частых переворотов, царский престол переходил от одного лица к другому, произвол временщиков. Перед лицом Сковороды прошли Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна и Бирон, Анна Леопольдовна и Иоанн Антонович, Елизавета Петровна, Петр III. Когда Григорию исполнилось тридцать девять лет, на престоле воцарилась Екатерина II. Тема «человек и власть» существует в сценарии и в фильме посредством тоненькой нити-линии: Григорий – императрица Екатерина II.

«Епископ Переяславский Никодим Сребницкий ведет серьезную беседу с викарием «лаврским» Самуилом. Самуил, в миру Симеон Миславский, помнит Григория – Сковорода облакан Ея величеством за таланты. Присовокупим: девять лет, как пчела в полете мед собирает, так Григорий собирает мудрость от лучших цветов науки. Исходил стопами своими Австрию, Венгрию, Польшу, Германские земли, Италию, Грецию. Знает языки. Изучил Библию на древнееврейском языке...

Никодим сокрушенно прогудел:

– Мир уловит его в свои сети – там чины, ордена, имения.

Самуил придвинулся ближе, зашептал:

– Церковь имеет больше привилегий: царей на царство помазывает духовная власть. Деньги?! Знает ли им владыка счет?! Что говорить... Григорий должен быть с нами. Упаси Бог – против нас!».

Большой эпизод «Сковорода и «синедрион»», а так же

вытекающий из него эпизод с «гулянкой» семинаристов не вошли даже в последующие варианты переписываемого сценария. Эффектной могла выйти сцена – появление Сковороды перед зданием академии. Сковорода в окружении народа, оттеснившего монахов, желающих наброситься на философа с кулаками. Сам «синедрион» в сценарии проходит подчеркнуто при пустом кресле ректора академии:

«Префект с пафосом продолжает читать обвинение: – Не ты ли Святого Писания поноситель, нарекал Библию «наводнением суеверий»? И не ты ли воздвигал брань на лиц достойнейших? Судей нарицал волками, советников – лошаками? Приди к памяти, Григорий, покайся перед Богом и людьми, смились, проси прощение, и останешься с нами. Закончишь испытанья – примешь сан иерея. Что побудило тебя так о святой Библии мыслить? Откуда сие лжемудрие? Кто тебя на сие наставил?

Сковорода, заикаясь с тиком на лице: «Бо-бо-г т-а-к со-сотворил».

Эпизод заканчивается решением «синедриона» выгнать Сковороду из академии, «отпустить его с миром». Из-за судорог на лице, мол, не сможет он стать иереем. Исторически принято считать, что Сковорода, не имея расположения к духовному званию, притворился сумасшедшим, вследствие чего был исключен из Киевской духовной академии.

Еще сцена: Сковорода в общегитии и прогулка «академиков» по городу. Начинается она со слов Симеона Миславского (в дальнейшем викарий Самуил):

– Отвечай, Григорий! Просто, кратко, не прибегая к крокодилам. На прощание поставил ты нам «глек з оковитою»?!

Сковорода вынимает из-за иконы то, о чем его просят, потом через некоторое время на словах Миславского: «И выйде Христос во Иерусалим!» – въезжает в комнату на осле, загримированном под ректора. Это вольный режиссерский вариант возможной шутки Сковороды, отсылающий к известному всем евангельскому сюжету. Раскрыта еще одна черта характера героя: его жизнерадостность, не ханжеское отношение к окружающим. Хотя перед зрителем и спорный хулиганский поступок.

Но очевидно, с точки зрения цензуры, философ не должен был предстать живым человеком перед зрителем. Даже в период «оттепели» после смерти Сталина на экране должен был быть борец с режимом.

«Спит город. Улицы пустыньны. Издалека слышится музыка. Двигается карнавал: Сковорода на осле, рядом идут ряженные, несут звезду; идут «мыльниками» и на руках – очередное «бесение», спудеи «казятся». Так заканчивается эпизод.

Надо заметить, что «высокое начальство» внося цензурные правки в сценарий, убирало также из него и сцены о плохой жизни крестьян, друзей Сковороды. Как бы смягчая углы. Кино в период «оттепели» должно было быть не менее позитивным, чем в «сталинский» период.

В советское время фильм «Григорий Сковорода» показывали по телевизору для школьников. Сейчас эти старые фильмы молодежь не смотрит, к сожалению.

Александр Гельман

Не обижайся,
это не я,
это Сверху спущена норма
каждодневного выхлопа зла
в лицо нашим близким,
а у меня, кроме тебя,
близких не осталось,
все достается тебе –
не ропщи.

Раньше я забывал то,
что лучше не помнить,
теперь – наоборот:
забываю – без чего жить нельзя.
Но как-то живу.

Что-то ворочалось,
царапало всю ночь у меня в голове –
крыса проникла под черепную коробку.

Срослись нераздельно
добро и зло –
дозо, дозо,
два как одно.

ВОСПОМИНАНИЕ

Через сырость
протащилось мое детство,
мокрое всегда было рядом.
Например, слезы,
нет, не мои, я не плакал,
бабушка, мама, тети, некоторые дяди –
боже, сколько слез из них выливалось,
за сутки трехлитровая банка набралось бы,
можно было бы помыться,
или выпить, как чай,
а они растекались по лицам просто так,
без пользы.
Или вот еще мокрое –
кровь раздавленных вшей,
она засыхала на ногтях моих больших пальцев,
смыть было нечем,
только плевыми –
мокрого сколько угодно,
а воды почти никакой.
Через сырость
протащилось мое детство,
мокрое всегда было рядом.

Грехи мои уснули,
будить не буду –
налегке уйду.

Скамейка Канта в музее Мирового океана в Калининграде.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ КОД НА ДОМОФОНЕ

В этом доме все было неправильно и даже, страшно сказать, наоборот. Дом стоял не на улице, а в собственном дворе, лестница со двора вела не вверх, а вниз, окна смотрели не на двор, а в квартиры, а их номера категорически не совпадали с числами на домофоне, которые к тому же были написаны не арабскими, а римскими цифрами.

Ну, это-то как раз понятно, потому что жители этого сумасшедшего дома не желали видеть у себя граждан, не умеющих быстро перевести нормальные человеческие числа в странные M, D, C и V. Заодно они не хотели видеть у себя в доме гостей, не умеющих переводить градусы Фаренгейта в градусы Цельсия или хотя бы Реомюра. При чем тут градусы, спросите вы, и будете совершенно правы - не при чем, это так, это подразумевалось.

Зато не подразумевалось, а прямо сообщалось на доске объявлений при входе в подъезд - доска, разумеется, была присобачена вверх ногами, что гостям здесь очень рады и поэтому просят их снимать обувь

еще на лестнице, которая, как вы уже знаете, вела себе напрямик в подвал.

И вот в этом доме мне пришлось жить, общаться с идиотами-соседями, поголовно занимающимися литературной халтуркой, а также с таджиком при мусоропроводе. Стоит ли говорить, что таджик здесь был на самом деле киргизом.

Нельзя сказать, что я не пытался бороться с нелепыми правилами и стереометрией дома, но ничего не получалось, потому что все вопросы решались на общем собрании голосованием, причем руки здесь не поднимали, а опускали вниз большой палец, как в древнеримские времена. Поначалу я вздрагивал, подумав о нехорошем по отношению к себе, но потом привык. И к несуразностям тоже привык, единственное, чему я до сих пор удивляюсь, это как я оказался в этом доме, поскольку, согласно паспорту домовладения, дом должен быть сдан строительной компанией только через год. Причем сама компания разорилась еще на стадии закладки фундамента.

Елена Кацюба «Задача» (компьютерная композиция)

ВОКЗАЛ ЗАКРЫВАЕТСЯ В ПОЛНОЧЬ

– Все знают – сказал Николай, услышав от Сергея Петровича эту странную фразу о закрытии вокзала, – что «вокзал – несгораемый ящик», а следовательно, не может закрываться в полночь.

– Ведь очевидно, – добавил он, – что несгораемый ящик – это гроб, который никому не придет в голову поджигать. Если уж кого жечь, так без гроба, а прямо в натуральном, так сказать, виде.

– Любопытно – потягиваясь на выброшенном недавно продавленном кресле, заметил Сергей Петрович, – не отсюда ли возникло выражение «сыграть в ящик», то есть уехать в бесконечность без билета, не купленного на вокзале вследствие его закрытия?

– О нет, дорогой Сергей Петрович, – возразил бывший инженер по технике безопасности, а ныне рядовой бомж Николай. – Эти стихи поэта Пастернака, которые вы, как бывший структурный лингвист, должны бы знать, написаны совсем по другому поводу. А именно, имелись в виду не хронологические обстоятельства железнодорожного вокзала – очевидно, именно железнодорожного, поскольку других во времена Бориса Леонидовича почти и не было. Нет, речь там идет о «встречах и разлуках».

Ну вот, все верно, – заметил Сергей Петрович, – разлука, и навсегда, и за пределами бытия.

– А встречи? – ехидно спросил Николай, выбросив шкурку от подгнившего банана точно в мусорный бак.

– А там и встретятся... – грустно ответил Сергей Петрович.

– С Пастернаком, что ли?

– Да хоть бы и с ним...

– Что-то вы, Сергей Петрович, сегодня невеселы.

– Да уж чему радоваться, Николай, – совсем приуныл Сергей Петрович. – И вокзал закрывается, и ночевать сегодня неизвестно где.

– А как же наша теплосеть в подвале?

– Вот я вас и огорчу, Николай. Подъезд с нашим подвалом тоже закрывается.

– Это почему же? – встрепнулся Николай.

– По настоянию лингвистической общественности, уважаемый коллега по неприютности, а также ваших интеллектуалов из НИИ Аэрокосмоса, там теперь квартира-музей лауреата Нобелевской премии Б.Л. Пастернака. И в подъезде поставили домофон. И что вы скажете в этот домофон, когда нажмете заветную кнопку? Что вы читали Пастернака в подлиннике и процитируете про вокзал и разлуку?

Татьяна Зоммер

ДООС – Зоммерзавр

амбивалентен

смысл жизни –
уничтожающая себя
абстракция
философ – конечно
освобожденный
от обязательств гений
знак перемен перекладывает
взаимоуничтожающие элементы
во временную корзинку и – из нее
он (за)всегда готов
обернуть принятое в обратное

по(при)рожденному гению
всегда наплевать
на какой-то официоз
материалист-атеист
последовательно
приходит к Богу
Бог неизбежно
становится на сторону
матери-материи
но гений-то-амбал –
он же изначально
амбивалентен

де-формация

конфессия поэта –
профессиональная деформация
ячеистой сетки мира
не клади все яйца
в одну де-формовочную
корзинку
оставляй хоть немного
ячеек – чистыми чайками
в безоблачном небе
чайником
на заляпанной плите
растрескавшимся волосом
на плече друга

все остальное
сквозь призму
сквозь линзу –
искривляя пространство
выпрямляя мысли

Виталий Комар (Нью-Йорк) «Чёрная свеча» (из серии «Аллегии правосудия»).

В этой работе атрибут аллегии правосудия – Весы я изобразил с третьей чашей на месте оси симметрии и баланса. Над этой чашей порхают три невесомые бабочки – античные символы Психеи/Души. Они окрашены в три основных цвета спектра. Чёрная свеча, в соответствии с хасидской символикой, – это сказочная визуальная метафора недоступного человеческому зрению Изначального Сияния – Сияния до первого дня творения и до отделения света от тьмы.

Анна Гальберштадт

Нью-Йорк

ПИСЬМО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Cherie,
Ностальгия заставила меня вернуться
За морем житье не худо
Венеция тихо тонет
Плесень поедает фрески
Башня Пизанская медленно падает
Смотреть там все равно
больше не на что
Ускорение свободного падения
по-прежнему 9,5 mm в секунду
В Вероне все спокойно
А детей нет
Они давно спят
Везувий и Этна тоже спят
В Неапольском музее
Святой Марк со львом
Скучают
В Помпее мужчины по прежнему
выпрыгивают из окон
А женщины прикрывают собой детей
Амфитеатр пуст
Публику засыпало пеплом.
Туристы тупо глазят на эротические фрески
В Villa dei Misteri.
В Венской опере не дают Парсифаль
Но в буфете дают яблочный штрудель

В пивных пьют вайсбеер
из толстых пивных кружек.
В старом зоопарке
Грустная горилла с младенцем рисует мелом.
В Польше продают сады
Яблоки никто не поднимает с земли.
В Кракове
в еврейском ресторане
Два американца в ермолках
Обсуждают генеалогическое древо
Шпильбергов.
В Вильнюсе есть еврейские музеи
Но нет евреев
Цепелины с грибной подливкой
в лучшем ресторане
Не сравнить с цепелинами тети Иды.
В Москве златоглавой
Сверкают позолотой купола в центре
Вечные пробки в любое время года
В Парке Культуры
Разбиты грядки поникших на солнце
Белых пионов
Пионеры с горнами исчезли,
Вместо них открыли кафе
С полосатыми шезлонгами
И музей непонятного народу
Современного искусства.
Забыл сказать
Что за границей женщины неженственны
И не так красивы
как наши русские
В декольте
На каблуках и в коротких юбках

Марк Ляндо

МОЛИТВА

Из поэмы
«ЗЕРКАЛИЯ»

Санта оа
Эли оэ
Антана мера.
Канта лоа
Анта роз.
Эни лаэра!
Свента аоль,
Лента аин
Веспера лира!
Света риоль,
Аква марин
Дальнего мира!..
В бездну ль вперен

Звездных лавин,
Лилий тычинок –
Ты окрылен
Высью глубин
И – не суглинок.
Черной дырой
Смерч мировой
Вымчи до берега
Новых времен
В света зон
Парус ковчега...
В канта оэ
Санта лоз

Блики свирели
Айна роз
Ало воэ
Тишь акварели

В ту зазеркаль,
Где вертикаль –

Солнца стихия –

Вечная веснь
И только песнь –
Аве Мария!...

В ВЕНЕЦИИ

... Вода очень синяя
Потом розовая во время заката
Потом почти черная
С лентами лунного света
Мерцающими в лагуне.
Арки мостов
Перекинуты над каналами
Как темнеет
Палаццо освещаются
В окнах свет серебряный и фиолетовый.
Толпы Биеннале
Развозят по отелям
Женщины в шелковых и атласных вечерних платьях
Мужчины с напомаженными волосами
Платками в нагрудных карманах
Темных пиджаков
Садятся в водные такси и гондолы.
Вода освещенная фонарями
В постоянном движении
Среди эстетично разрушающихся стен.
Руины же всегда статичны
Они сопротивляются бегу времени
Декадентскому тлению. ...
Выставка в павильоне Венесуэлы –
Мастурбирующий мальчик
Спящий с мамой
Труп со огромной эрекцией
Летучие мыши, моль прозрачная и змеи
Приторный запах смерти.
Призраки древнего города
Заплесневелые стены каналов
Палаццо мавританские
Кастраты поют Перголези и Глюка

Под потолком расписанным Тьеполо
с летящими фигурами.
На следующее утро
в литовском павильоне
Выставка молодого художника
Ровесника моего сына
Артефакты советского времени
В выставочном зале.
На стене рисунки его матери
Фарфоровые фигурки из моего детства
Советская литовская энциклопедия
С заметкой о моем отце в главе
Посвященной науке.
Патриотизм без национализма – дерьмо
По мнению художника.
В видео он мажет лицо
шоколадной краской
Потом стирает ее флагом довоенной Литвы.
Национализм плавно переходит
в фашизм
Когда малочисленный народ
Озабоченный сохранением своей культуры
Начинает исключать всех остальных
Иногда до полного их истребления.
Я ухожу
Потом гляжу на потоки ливня
Льющиеся на желтый навес
Над кафе на Пьяцца Санта Маргарита
Капли стучат по мостовой
Давящий дневной зной
Растворяется
Воздух благоухает свежестью
Как роса на европейских
ароматных розах.

Валерий Мутин

ДООС – стрекозавр
с.Пречистое

МЫСЛИ ВСЛУХ

Наши души – незримы.
Наши туши – вода.
Ниоткуда пришли мы
И уйдём в никуда.

Не в день рождения, не на тризне,
Не в жестком на врага броске, –
Мы понимаем цену жизни,
Когда она – на волоске...

Вот-вот, как небо облаком,
Наркоз затмит мой взор.
Вновь с анестезиологом
Веду я разговор:

– Вы молодая, смелая,
Весь мир у ваших ног.
Вам доверяю тело я,
Душой займётся Бог.

Леса, торфяники, поля,
Большак, зовущий в путь...
Мне силы давшая земля,
Благословенна будь.

Пусть не всегда в родном краю
Удачлив был в делах,
Люблю тебя и вдаль смотрю
Сквозь слёзы на глазах.

Евгений Черников

Каменск-Уральский

В ЛИФТЕ

1937 год
от
Рождества Христова.

ЭТАП

Лезвий
дороги железной
лязги
заставляли кричать,
лезли в уши
насильно.
Наши души
носили
каинову печать.
Дрожали мы, шеи сутуля,
мы знали – земля вопит.

Шёл поезд как на ходулях
по раскалённой степи.

Избито всё, испытано, испито.
В пустой бутылки мира – сотни мух.
Они пьяны, и на одной – мой свитер,
но я не разглядел ее саму.

С восьмого этажа
спускаюсь на седьмой,
с седьмого на шестой
перетекаю плавно,
на пятом чуть трясёт,
салятся пассажиры,
и вот уже четвёртый
зажётся огонёк.
А где-то в глубине
таятся шестерёнки,
и механизм скрипит,
и трос уже лохмат,
бетонная утроба
тесна и бесприютна...

Страницы распались на шорох и глупости.
Всё, что я создал – сиюминутность
свойств. Угол наклона. Некий вектор
движения веток.
Пуля, всаженная в другую.
Магнит для сердец наивных девчонок –
то, чем теперь торгуют...
Неизречённым
останется чудеснейшее во мне –
смертная, точно засуха,
печаль камней,
живущих, как у Христа за пазухой.

Ольга Журавлева

ДООС – стрекожур

ГЕОМЕТРИЯ СНОВ

Стояла ночь. Зима Луну качала.
Молочный свет напоминал пломбир.
Из простоты Эвклидова Начала
Наивно вырисовывался мир.
Над параллелью спящего маршрута
Диагональ причудливых ветвей,
Хрустально-вертикальная простуда
Карнизов синусоидных затей.
Сферическая магия подсветки
Домов, увязших по уши в снегу,
Конические свежие беседки
Сугробов на автобусном кругу –
Хрестоматийный замысел метели
Отделку до рассвета завершить.
А с высоты летели и летели
Модели звёзд, в надежде пережить
Надменный пласт искрящегося поля,
Морозом подтверждённого в ночи –
На шесть сторон распластанная воля
Во всём великолепии звучит.
Неповторимо, зримо, неизбежно
Ложится в ложе стоптанных дорог,
Которыми бегут-текут небрежно
Потоки человеческих тревог.

Людмила Салтыкова

ДООС – рязаура
Рязань

* * *

Мне всю ночь треугольники снились –
Из пластмассы, фанеры, стали,
В теоремах небесной эмали...
И любовные там теснились.

На созвездья смотря я редко,
Теоремы давно забыла:
Замыкаясь в квартирной клетке,
Лишь прямые углы любила.

Только острых всё больше стало.
Треугольники шли потоком...
Тут будильник проснулся к сроку –
Как в Бермудах, вдруг всё пропало...

Но вопросы из бездны катят,
Заплетаясь в нелепый узел.
Все гадаю: какой же катет
Ближе бедной гипотенузе?

Алексей Бандорин

ДООС – завтразавр
Рязань

КУКЛА

Ковш Медведицы залпом выпит,
Гончих Псов остановлен бег,
Созвездие Лебеда бьём навывлет,
Созвездие Девы валим на снег.
Наше величие – наше безумье!
Умерли сказки – фантастики плен:
Забыли «Я должен», «Я обязуюсь»,
Горланам: «Желаем», «Ждём перемен».

Что нам готовит далёкий пришелец,
Выйдя из блюдца на шпильках-ногах?
Неужто, в яблочко сердца прицелясь,
Нас перебьёт и развеет прах?

Нет же и нет! Мы нужны властелину,
Чтобы весь ужас позора испытать.
Скажет: «Я – Бог, я вас создал из глины,
Значит, вам куклой послушно быть».

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Холодным, холёным небом забредив,
Столетия потратив, – ракету создал.
Я Землю покинул. Вдали на рассвете
Я город воздвиг, весь одетый в металл.

Забыл я, что создан был Богом из глины.
Дорогу на Землю и к людям забыл.
Я сам Властелин, мне подвластны машины.
Я им все земные дела поручил.

Я сам Властелин. Я за Бога домислил.
Зачем средь бездомных галактик лечу.
Я ковшик Медведицы на коромысле,
Не расплескав, пронести хочу.

Но – высохли ноги, но – высохли руки.
Я – Шар-Голова – лезу в колбы колпак.
Я – Бог, я – владыка, хозяин науки.
Но вновь Человеком не стану никак.

Песня счастливой Стрекозы.

О стихотворении Эмили Дикинсон «I taste a liquor never brewed»

Emily Dickinson

{214}

I taste a liquor never brewed –
 From Tankards scooped in Pearl –
 Not all the Vats upon the Rhine
 Yield such an Alcohol!
 Inebriate of Air – am I –
 And Debauchee of Dew –
 Reeling – thro endless summer days –
 From inns of Molten Blue –
 When «Landlords» turn the drunken Bee
 Out of the Foxglove's door –
 When Butterflies – renounce their «drams»
 I shall but drink the more!
 Till Seraphs swing their snowy Hats –
 And Saints – to windows run –
 To see the little Tippler
 Leaning against the – Sun –

Эмили Дикинсон

{214}

Смакую чистый свежий спирт –
 Из Кубков в Жемчугах –
 Такого в Бочках не найти
 На Рейнских лугах!
 Пьяна от Воздуха его
 Качаюсь от Росы
 Шатаюсь – вечным летним днем –
 По пабам Бирюзы
 Когда ж «Хозяева» замкнут
 За пьяной Пчелкой дверь –
 И мирно Бабочки уснут –
 Продолжу пить, поверь!
 Пусть снежной шляпой Ангел машет –
 Святые – пусть бегут к оконцам –
 Смотреть как маленький пьянчужка
 Карбакается – к Солнцу –

Карбакалась к солнцу по-русски Татьяна Бонч-Осмоловская

Это стихотворение было написано Эмили Дикинсон около 1861 года. Автору было тридцать лет, она вела спокойную жизнь в доме родителей в Амхерсте, редко общалась с людьми, не выходила «в свет», только гуляла вокруг дома и как сумасшедшая писала стихи. О последнем стало известно только после смерти Дикинсон, а при ее жизни было напечатано всего одиннадцать стихотворений (Frank N. Magill. Masterpieces of American Literature. Collins Reference, 1993).

«I taste a liquor never brewed» было опубликовано 4 мая 1861 года в спрингфилдовском издании Daily Republican (полную историю публикации стихотворения см. http://www.edickinson.org/editions/1/image_sets/235499). В длинном списке из 1 775 стихотворений (The Complete Poems of Emily Dickinson. Ed. By Thomas H. Johnson, Boston: Little, Brown & Co, 1960) оно носит номер 214. Финальные строки стихотворения существуют в трех редакциях: кроме приведенной также: «From Manzanilla (Манзанилла – разновидность андалузского вишневого ликера, под этим названием Дикинсон обозначала место, где производится вино) come!» и «Come staggering toward the Sun». В настоящее время выбор сделан в пользу приведенного выше варианта.

Чтобы разобраться, о чем идет речь в этом коротком стихотворении, давайте присмотримся к его лирической героине и системе отсчета стихотворения. Эмили Дикинсон помещает лирическую героиню в природную, естественную среду, и вместе с тем и по контрасту с этим, в среду социальную. Такие слова в оригинале стихотворения, как Dew, Pearl, summer days, Bee, foxglove, butterflies, относятся к природе, а такие, как Vats, Alcohol, Debauchee, inns, drunken, Tippler – к

социальному (и даже асоциальному) поведению. Персонаж действует естественно, но ее поведение может быть понято как асоциальное пьяное поведение. В этом противоречии между естественным и социальным Эмили Дикинсон однозначно за первое.

Характерная черта этого стихотворения заключается в смешении размеров объектов: на стороне природы объекты крошечные, как в традиционной стране фей: Dew, Bee, Foxglove, Butterflies. На стороне социума объекты огромные: Tankards, Vats, Rhine, inns, Landlords. Словарь поэмы также смешанный, так что читатель должен менять регистры, попадая из наивной истории фей к крестьянской песне о «пьянчужке», которого выставили из паба, хотя бы он и клялся продолжить пить.

По форме стихотворение представляет собой балладу (чередование четырехстопного и трехстопного ямба с рифмующимися четными строками) – форма, характерная для хорового народного пения. Паузы, которые Дикинсон обозначает на письме тире, могут передавать короткое дыхание пьяного человека. Не только словарный состав, но и грамматика некоторых строк предполагает речь простого, слегка выпившего человека: «I shall drink but more!» С другой стороны, это восклицание может быть прочитано и как возвышенная речь, гимн Дионису, божеству вина и творчества.

Лирический герой стихотворения представлен голосом в первом лице вплоть до последних строк. Эмили Дикинсон использует местоимение «я» три раза: в первой строке, когда «я» пробует «напиток», в пятой, когда «я» от потребления чудесного напитка приходит в восторженное состояние, и наконец, в двенадцатой, когда «я» провозглашает, что даже

после окончания «бесконечных солнечных дней» она будет продолжать пить. Так лирическая героиня постоянно занята потреблением «напитка», здесь, сейчас и в будущем.

Эта лирическая героиня сама крошечная, поскольку обитает в мире бабочек и росы. Это она – «пьяная Пчелка», которую выставляют за двери «Наперстянки». Ее действия тоже малы, она не пьет, не поглощает, но только «пробует» («tastes») напиток. Этот напиток не производится искусственно («never brewed»), но растворен в воздухе и свежей воде: “Inebriate of Air”, “Debauchee of Dew”. Это природный цветочный нектар, но также и одноименный напиток бессмертных Олимпийских богов, тот, что дарит им бессмертие. Рассматривая стихотворение как метатекст, оно само – этот нектар, воздух поэзии, ее мед, дарующий бессмертие поправившему его.

Наперстянка, упомянутая в стихотворении, в фольклоре традиционно упоминается как цветок эльфов. А с биологической точки зрения наперстянка содержит гликозиды, производящие бред и галлюцинации. Это естественный, природный наркотик, так что пчелы, который пьют ее нектар, в самом деле становятся пьяны от интоксикации. Эмили Дикинсон совершенно права с биологической точки зрения и, вероятно, знала о действии росы, собранной с этого цветка.

Итак, первая система отсчета в стихотворении соотносится с «пчелкой», крошечным существом в огромном природном мире. Это маленькое существо ощущает себя внутри и в единстве с миром бесконечного живительного воздуха и нескончаемых летних дней. Расплавленные небеса («Molten Blue»), где лирическая героиня смакует свой нектар, указывают не только на пространство, но и на время произнесения баллады – это чрезвычайно жаркий летний день, когда сама холодная прежде синева плавится и стекает в «кувшины в жемчугах» («Tankards scooped in Pearl»). Слово «tasting», использованное Дикинсон, имеет также оттенок получения удовольствия, и это чувство длится и развивается вплоть до восклицания «such an Alcohol!»

В четырех последних строках система отсчета резко меняется, также как и голос рассказчика: теперь лирическая героиня представлена не от первого, но от третьего лица. Она находится уже не в стране фей посреди травы, но среди огромных снежных гор («snowy Hats») и неба. Возможно, даже райских небес, если мы зададимся вопросом, откуда «Святые бегут к окнам». Лето закончилось, не во времени,

но в пространстве, когда лирическая героиня поднялась так высоко и достигла небес. Здесь невыразимо холодно и огромно, но она не замечает этого, все еще во власти своего дерзкого поэтического опьянения.

В последней строфе лирическая героиня восходит до высочайших небес в пространстве, которое уже за пределами естественного мира, и в удовольствии, произведенном «опьянением», облокачиваясь, в отсутствии барной стойки, на само солнце. Слова «reeling» и «leaning» в стихотворении рифмуются, причем не только фонетически, но также по их месту в начале строк. С помощью этих деэпричастий Эмили Дикинсон создает параллели: именно потому, что лирическая героиня «шлялась» среди бесконечных счастливых летних дней жизни, она оказывается способна так же «облокачиваться» на солнце. Изменение перспективы сдвинуло координаты – снизу, из травы, героиня воспринимала себя как крошечную среди крошечных же пчел и бабочек, однако из этой системы координат и солнце казалось небольшого размера. Теперь, когда героиня достигла небес, она стала вровень с солнцем, не только поднялась по вертикали, но выросла сама до его огромности, стала великой.

Таким образом, стихотворение представляет собой песню наслаждения жизнью. Поэт провозглашает свое абсолютное наслаждение подлинными природными субстанциями. Она счастлива от того, что смакует их. Она провозглашает, что будет продолжать пить их даже «When «Landlords» turn the drunken Bee / Out of the Foxglove’s door», и будет маленьким «пьянчужкой» воспарять выше и выше до самого солнца.

В определенном смысле, стихотворение – это гимн радости, пропетый Цикадой (или Кузнечиком, или Стрекозой) из басни «Цикада и Муравей» Лафонтена (или Эзопа, или Федра, или Крылова). В нем отсутствует характерная для басни мораль, а единственное упоминание кого-то напоминающего Муравья – это «Landlords», выставляющие лирическую героиню за двери Наперстянки. Здесь мы встречаемся только со Стрекозой, которая уверена, что доберется до солнца.

Как нас ни учили в школе социализироваться и следовать заветам муравьев, всегда находятся безумные счастливые Стрекозы, которые поют (то есть, создают произведения искусства) все долгое лето. Постоянство в наслаждении жизнью, как провозглашает Эмили Дикинсон, приведет Стрекозу прямо к солнцу, несмотря на суровость бедного маленького муравья внизу, среди травы.

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

ПАМЯТИ ДАДАИСТА ХУГО БАЛЛЯ

царит орда
попсовой своры

щенки ДАДА
забились в норы

как жаль как жаль
мы вы-мираем

но ХУГО БАЛЛЬ
неотменяем

Ба-а-а-а-алль – боль – былъ
далЬЬЬЬЬЬЬЬЬЬ – рольЬЬЬЬЬЬЬЬЬ – стиль

попсу –
в утиль

КАРЬЕРА

Карьера ты говоришь
Карьера
Господь с тобой
Какая карьера
Я уже сделал карьеру
Посмотри

Вот ПРИКАЗ

Назначить Степанова Е. В.
чернорабочим отдела поэзии
пожизненно.

Председатель Земного шара
В. Хлебников

А ты говоришь
Карьера

БЕЗ ЕДИНОГО ВЫСТРЕЛА

розы на дачном участке в Берлине
я взял этот город
без единого выстрела

25.12.2015

Елена Зейферт

доктор филологических наук
ДООС – Зейфертзавр

Ich – Я

Стихотворение
на немецком
и русском

Spiralartig wird
Gottes Entwurf ausgeführt.

Menschen werden den Bergen ähnlich,
die Berge – dem Wind.

Solange du den Blick nicht auf dein Inneres richtest,
drehst du dich wie ein Kreisel.

Aber Gott trägt dich auf der Serpentine.
Du sollst selbst entscheiden,
ob du Mensch wirst, Berg oder Wind.

Ein Getragener.
Ein Tragender.
Ein Nichts.

Виток за витком
идёт черновая работа Бога.
Люди становятся похожи на горы,
горы на ветер.
Пока не остановишь взгляд внутри себя,
вертишься волчком.

Но Бог несёт тебя по серпантину.
Тебе решать – стать человеком, горой
или ветром.

Несомым.
Несущим.
Не сущим.

人生とは偉大な言葉であつて
何にでも喩えられる
たとえば——人生は****である
ほらバツチりきまるだろう？
で、ぼくは言ってみる
人生は壁である
問題はそれがぼくのものではないことだ
でなければ、こんなスプレーを握ってはいまい

Акифуми Такеда

профессор университета Тояма, Япония

THE GREAT WALL

Стихотворение
на японском
и русском

Жизнь! великое слово, поэтому
С ней можно сравнить всё.
Например, жизнь – это ...
Вот хорошо получилось!
А я говорю:
Жизнь – это стена.
Проблема в том, что она не моя.
Иначе, зачем я держу этот спрей в руке?

私 – Я

Авторская биллингва

Ольга Левицка

Люблин

ГОРЬКИЕ ДАРЫ ПАМЯТИ

На песчаных опушках времени
Собираю воспоминания.
Сами в руки идут уверенно
Мои горести и страдания.

Мои горькие дни неведенья,
Мои слёзные ночи знания.
Вон под вереском заприметила
Малый призрачек невнимания.

И побольше – твоё неверие,
И потолще – моё бессилие.
А вот бледненькое доверие,
А там – крохотное насилие.

Всё здесь – горькое, наигоршее,
И моё, и твоё – несчётное.
Подбирай, собирай пригоршнями,
Набивай сумы перемётные.

И – на плечи, аж хрустнут косточки,
И бреду с непосильной ношей...
А у сердца спрятана горсточка –
Всё, что было у нас хорошего.

GORZKIE DARY PAMIĘCI

Na łąkach piaszczystych czasu
Oblanych deszczem wrzosowym
Moje wspomnienia gasną
Niczym dziołek marcowy.

Zbieram więc te wspomnienia;
Cisną się wprost do ręki
Gorzkie chwile cierpienia,
Przeszłe bóle i lęki.

Chowa się tuż pod krzakiem
Mała, a jednak przemoc,
Tkwi w pamięci okrakiem
Dawna bladziutka niemoc.

Wspomnień jest coraz więcej.
Po kieszeniach je chowam,
Mam już pełniutkie ręce...
Czy udźwignąć podołam?

Co z tym ciężarem zrobię?
Nie mam już więcej siły...
Tylko myśli o tobie
Grzeją mi serce, miły.

Стихотворение
на русском
и польском

Я – Ja

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ДООС-2016

ЖЮРИ ФЕСТИВАЛЯ

Маргарита Аль – председатель

гендиректор издательского проекта ДООС,
издатель, учредитель и гл. редактор журнала
«ЛиФФт»

Андрей Житинкин

режиссёр, народный артист России

Валентин Никитин

доктор философии, академик РАЕН,
богослов, поэт

Пётр Кобликов

главный редактор журнала «Детское чтение
для сердца и разума»

Елена Пахомова

зав. библиотекой им. А.П.Чехова, основа-
тельница клуба «Классики ХХI века»

Ольга Журавлёва

член Высшего творческого совета СП РФ
в МГО СПР

ПРОГРАММА

Торжественное открытие международного
Фестиваля ДООС-2016

Короткометражный фильм, посвященный
30-летию ДООСа (автор Елена Кацюба)

Конкурс авторских поэтических манифестов

Оглашение лауреата Фестиваля ДООС-2016

Вручение диплома

Лаудацию в честь лауреата

Речь лауреата Фестиваля ДООС-2016

Музыкальное приветствие лауреату

(исполняет пианистка, лауреат международных
конкурсов Нина Сарапиан)

Выступления членов оргкомитета и членов жюри

Торжественное закрытие Фестиваля ДООС-2016

ПРИСУЖДЕНИЕ ГРАН-ПРИ УЧАСТНИКУ ФЕСТИВАЛЯ.

Из всех членов ДООС, чье творчество было пред-
ставлено на конкурс, члены жюри отобрали не-
сколько авторов. Все они оказались достойными
высокой награды.

После тщательного рассмотрения и обсуждения,
учитывая прошлые, настоящие и, возможно,
будущие заслуги перед современной русской по-
эзией, жюри решило присудить Гран-при основа-
телю ДООСа, создателю школы метафоры,
автору более тридцати книг, лауреату множества
международных и отечественных премий
Константину Кедрову-Челищеву.

Валентин Никитин

ЛАУДАЦИО В ЧЕСТЬ ЛАУРЕАТА

Я с очень большим воодушевлением подписал
этот протокол, потому что действительно пальма
первенства принадлежит Константину Кедрову, на
мой взгляд, лучшему современному поэту. Я лю-
блю и почитаю историю русской словесности ХХ
века – Велимира Хлебникова, Максимилиана Во-
лошина, Вячеслава Иванова, Андрея Вознесенско-
го. И вот по всем этим параметрам, я так считаю,
Константин Кедров является их преемником, про-
должателем. Поэзия обладает даром чудотворства
и творит миры ex nihilo – из ничего. Неслучайно
Борис Пастернак сопрягал эти два слова – творче-
ство и чудотворство. Вот для меня Константин Ке-
дров – чудотворец слова. Если сравнить поэзию с
симфоническим оркестром, то он может исполнить
любую партию. На фортепьяно, на скрипке – это бу-
дет первая скрипка, на органе – это будут мощные
аккорды, и он безусловно может быть дирижером
этого оркестра. Но он может быть и он является
гениальным композитором, творцом мелодий. Ан-
дрей Белый в свое время провозгласил школу мело-
дизма и считал, что будущее русской поэзии – это
мелодия, богатство мелодий. Вот у Константина Ке-
дрова изумительное богатство мелодий. Я большой
его почитатель. Я помню, как он оказал большое
влияние на моего друга Алексея Парщикова, когда
преподавал в Литературном институте. Он мэтр, у
него есть целая школа, у него есть последователи, ну
есть, конечно, и эпигоны – как без этого. Я воздаю
должное его гениальности и считаю, что это поэт
Божьей милостью. Но он же и поэт от себя. У него
много творческого энтузиазма и колоссальное тру-
долюбие.

Петр Кобликов

Хотя я не бывал в тех аудиториях, где Константин
Кедров вел свои занятия, я считаю себя во многом
его учеником. Помню блистательные просвети-
тельские литературные передачи, которые я ждал,
сидя у телевизора, и восхищался тем, что в этих
лекциях говорилось так прямо и так смело, как
мало кому в ту пору было дано. Вот почему я уче-
ник. И мне даже неловко сейчас оказаться сейчас в
этом жюри – ученику определять награду для учи-
теля. А если говорить о поэзии, то кредо Кедрова
сформулировано в том, что сегодня прозвучало
как манифест – что бабочка летела, как хотела. Я
не только в качестве главного редактора детского
журнала, там еще две главноредакторские долж-
ности есть, но самая дорогая на сегодня должность
– это ДООС-энтомозавр, поскольку еще исследую

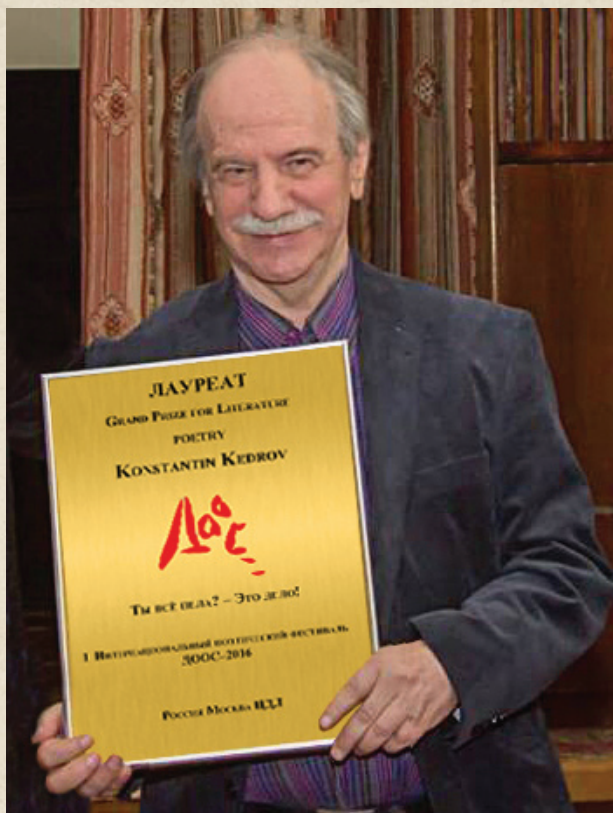
немного насекомых. Так вот удивительно то, что некоторые легкрылые создания по всем законам физики, иначе говоря, по законам тела летать не должны. И до сей поры остается загадкой, как при таком их весе они летать способны. Бабочки летают не по законам тела. Стрекозы летают не по законам тела. Слова в поэзии Кедрова летают не по законам их весомости. Сплетаемые по законам метаметафоры, они летают легко. Я желаю лауреату, чтобы эти слова, складывающиеся в строки, складывающиеся в произведения малых и больших форм, летали бы так же легко и долго, как очень долго суждено летать стрекозам, много веков спустя.

Елена Пахомова

Я очень рада поздравить Константина Александровича. Сегодня было уже сказано, что это был учитель для многих, что это человек, который имеет свою очень четкую поэтическую позицию. Но мне хочется сказать, что он имеет и очень четкую человеческую позицию, что всегда очень приятно и важно в меняющемся, и не всегда в лучшую сторону, мире. И его поэзия, она всегда неповторима. И даже названия произведений – «Компьютер любви», «Замок стрекоз», «Дирижер тишины» – это все всегда очень новое. Он открыл массу новых направлений в поэзии. И я хочу ему пожелать, чтобы он смог сам осознать, насколько важно и необходимо то, что он делает сейчас.

Андрей Житинкин

Меня поразило, сколько учеников у Константина Александровича, и это не только молодые люди, и не только в Литинституте. И Парщиков всегда признавал, что метаметафора – это открытие Кедрова. И в этом смысле нет возраста. По умолчанию, духовных учителей, как правило, не называют или скрывают. И мне приятно, что и зрелые господа, и юные считают и сами называют своим учителем Кедрова. Вот как поразительно выстраиваются в искусстве жизни, судьбы. А лично для меня урок совершенно другого порядка. Может быть, это такая реплика со стороны, но как говорила Цветаева, творению предпочитаю творца. Поэтому урок жизни, который преподнес Кедров, я говорю о том времени, когда его уничтожали, когда его убирали из всех возможностей транслировать то, что он не мог не транслировать, когда все отслеживало КГБ, когда шли по пятам и невозможно было дышать... Я хочу сказать, что вот это – мужество оставаться собой, когда с тобой кто-то не здоровается, когда ты становишься опасен, когда тебя боятся, над тобой издеваются, когда готовы раздавить, растоптать и вообще забыть твою фамилию. И вот теперь мне приятно, что справедливость сегодня восторжествовала!

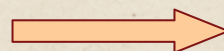
Константин Кедров

лауреат международного Фестиваля
ДООС-2016

Я эту историю рассказывал, но сейчас надо обязательно ее рассказать, потому что сегодня сбылось то, что было сказано мне по мобильнику Андреем Вознесенским. В 98-м году раздался звонок: «Я звоню тебе из-под дерева Будды, пиши: «Настанет лада кедрова – constanta Кедрова». Ну вот настала. Это, конечно, благодаря вашим общим усилиям. Я понимаю, что все это очень сложно, и это надо было все придумать и сотворить. И я знаю человека, который это все придумал, – Маргарита Аль. Я вижу, какой за этим труд, какое душевное напряжение.

Действительно, все как-то сложно и странно происходит. Ведь в этом же зале в 97-м году сидел Вознесенский, Сапгир, Холин – проводился мой вечер. И какая-то огромная тетя встала и сказала: «безобразие, здесь собрались сионисты!» – хлопнула дверью и ушла. За ней еще одна ушла. Андрей сказал: «Сознайся, ты их нанял». Скандал заказан! Но это уже 97-й год, а что творилось в ужасных 80-х, это знают мои бывшие студенты. Я очень благодарен Андрею Житинкину за то, что он напомнил о том, что все это из-под глыб, конечно.

Метаметафора, может быть, была бы намного раньше, в 60-м году, когда я написал свой главный манифест, который я вам сейчас и прочитаю:

Традиционная ДООСовская катавасия.

Я вышел к себе
через-навстречу-от
и ушел под
воздвигаю над!

Я хотел напомнить всем присутствующим, что в ДООС никогда никому не предлагали вступать. И Андрей Вознесенский – стрекозавр попросил, чтобы его приняли официально, хотя он фактически был членом ДООСа. Вдруг буквально через день или через два Генрих Сапгир говорит: «А что, Вознесенский стрекозавр? Я тоже хочу». Хотя и до этого Сапгир писал о ДООСе и боролся со своими единомышленниками, которые были почему-то категорически против ДООСа. в антологии «Самиздат века». И Генрих с большим трудом, преодолевая дикое сопротивление, говоря: «я такого сопротивления даже от советской власти не знал», – написал про ДООС, про метафору.

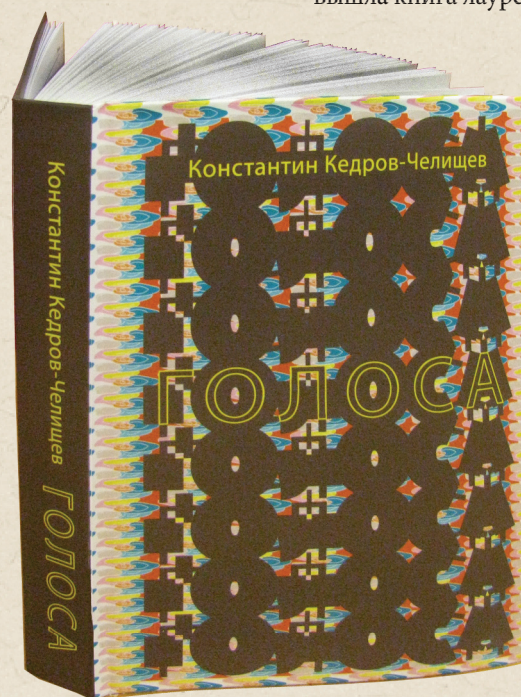
И я тогда задумался. Я понял одну интересную вещь, что сопротивление, которое мы испытываем извне, оно ничто по сравнению с сопротивлением, которое шло изнутри – от людей, которые шли в том же направлении, но не дошли, и им стало очень обидно. Поэтому я призываю всех ДООСов и самого себя, мне это свойственно по природе, а другим, может быть, и нет, радоваться, когда ты проделал один шаг, а те, кто следуют за тобой, вперед ушли шагов на двадцать. Потому что все эти движения, как мы знаем, относительны. Мы знаем, что в конечном итоге перед нами бесконечность, и эту бесконечность каждый из нас тем или иным способом преодолевает. Я лично это делаю с помощью слова. И когда эта бесконечность словами заполнена, это всё, больше ничего не надо. Когда меня спросили, что такое поэзия, я сказал: это рай на земле. Рай существует на земле не благодаря, а вопреки.

Маргарита Аль

Дорогие друзья, настал еще один торжественный момент – закрывается наш первый Фестиваль ДООС-2016. А значит будет и второй, будет третий, пятый, десятый, сотый, и я очень надеюсь, что и тысячный.

Но это еще не все. Издательство ДООС награждает лауреата изданием книги объемом до 500 страниц.

Не прошло и месяца,
а в издательстве ДООС
вышла книга лауреата.

**Итоги конкурса
авторских поэтических манифестов
в рамках Фестиваля ДООС-2016**

Семен Гурарий
ДООС – аккордозавр
Мюнхен

Антологии литературных манифестов – дело привычное, а вот устроить конкурс манифестов пока что никому не приходило в голову. Всему своё время под солнцем, и в ноосфере вдруг уплотнилась и образовалась линза из манифестов. Произошло это 24 января 2016 года в ЦДЛ на фестивале «ДООС-2016». Один за другим к микрофону прорывались авторы известные и те, кто, возможно, станет известными и уж, во всяком случае, опубликованными.

Тон задал с экрана Маринетти. Его манифест был зачитан Таттьяной Санти по-итальянски и пронзил аудиторию своей энергетикой, ничуть не устаревшей за 103 года.

Жюри оказалось в трудном положении. Плохих, шаблонных, бесцветных манифестов не было вовсе. Поэтому награда – публикация в «Антологии манифестов ДООС-2016» вполне заслужено достанется всем участникам. Образно говоря, первое место лауреату, второе – всем.

Мы в равной мере восхищены и звучарным манифестом Евгения Харитонов, и, конечно, классиком палиндронавтики Бубновым. Нет предела полету фантазии этих корифеев современного русского поэтического авангарда. Среди манифестов, присланных из разных точек страны и планеты, поистине доминантным оказался словесный ноктюрн Семена Гурария из Мюнхена. Известный пианист, педагог, поэт и философ, основатель и шеф-редактор литературно-художественного Альманаха «Доминанта», председатель творческого союза «Диалог» (Новый Мюнхенский форум культуры) создал изящнейший и по мысли, и по звучанию манифест, связующий воедино музыку и поэзию.

Если сравнить манифест Гурария с манифестом Маринетти, мы воочию и воушию услышим-видеуслышим музыку времени. У Маринетти время заглушает вечность. У Гурария вечность утишает шум времени. После прочтения в душе воцаряется герметическая тишина и умиротворенность, заполненная внутренней музыкой.

Члены жюри единодушны в своем желании увенчать шедевр Семена Гурария венком лауреата. Книга стихов Семена Гурария в качестве главного приза выйдет незамедлительно в серии «ДООС-поэзия».

От всей души поздравляем лауреата и всех участников конкурса с заслуженной победой!

А чтобы Антология манифестов отражала наиболее полно все, что творится в современной поэзии, предлагаем всем ДООСам, авторам, читателям и друзьям Журнала ПОэтов присылать нам свои творческие манифесты в любой форме – стихотворной, прозаической, визуальной.

ДИАЛОГ ДОМИНАНТ

Не достойна ли изумления наша привычка существовать в бессмысленном звуковом хаосе? Неосознанно бродить по его лабиринту, прислушиваться к грохочущему пространству, к самим себе и неожиданно убедиться: мир ДОМинантен.

Дом – домина. Наше бесконечное жилище, вместилище сквозняков, света, туманов, темноты, желаний, суеты.

Однако доминантно жить значит не только тяготеть и предпочитать, но и быть готовым к модулированию из одной тональности в другую.

Доминанта – дверь раскрывающаяся в известную неизвестность. Оборотень, танцующий в любых направлениях. Это аккорд удивления.

«Удиви меня», – говорил Дягилев. Но не только новизной. Ведь общеизвестен трюизм: нет ничего более временного, чем новизна.

Доминанта всегда подвижна. Она лишена экзистенциальной глухоты и эстетической спячки. В её всегда заострённом профиле нет никакой системы и методических указаний. Это непрекращающаяся направленность. Энергия преодоления штампов.

Литература и искусство живут по законам Доминанты, которые ещё, к счастью, не сформулированы. Нам не остаётся ничего иного, как пригласить всех без исключения к углублённому размышлению и... к свободной игре – путешествию в поисках собственной Доминанты.

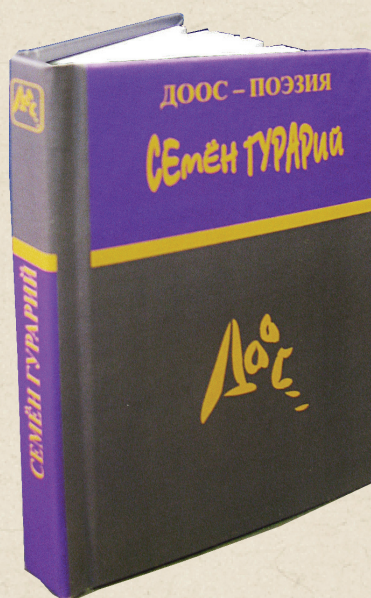
И тогда вы сами – творцы магической нерасторжимости жизни и художественного контекста.

Перефразируя Константина Кедрова, скажем: наш мир – это диалог доминант, доминанта – это диалог наших миров.

19.01.2016

Семен Гурарий
«Звук»

Книга-приз
победителю
конкурса
авторских
поэтических
манифестов
Фестиваля
ДООС-2016.

Книги издательства ДООС можно купить
в книжном магазине «Фаланстер»

Журнал ПОэтов ДООС
№ 2 (68) 2016
«Кантата Канта»

Учредитель и издатель
ООО ДООС
Гендиректор Маргарита Аль

Главный редактор –
доктор философских наук Константин Кедров

Зам. гл. редактора –
Маргарита Аль (+7 /926/ 524-56-62)

Редакционный совет:

Е.Кацюба – ответ. секретарь;

В.Ахломов, фотограф, заслуженный работник культуры РФ (Москва);

С.Бирюков, доктор культурологии (Германия), поэт;

А.Бубнов, доктор филологических наук (Курск), поэт;

В.Вестстейн, профессор (Нидерланды);

А.Витухновская, поэтесса (Москва);

А.Городницкий, доктор геолого-минералогических наук, поэт, бард (Москва);

Э.Гусейнов, кандидат исторических наук (Москва);

К.Ковальджи, поэт (Москва);

А.Кудрявицкий, кандидат медицинских наук, поэт, прозаик (Ирландия);

В. Нарбикова, прозаик (Москва).

Идея журнала и творческая концепция – группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства».

Логотип – Андрей Врядий

Макет – Елена Кацюба.

Верстка – Николай Лазарев.

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре РФ
Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-63353
Отпечатано в типографии ООО «ПАК ХАУС»

Номер подписан в печать 10.03.2016 г.

Тираж 500 экз.

Адрес в интернете: [http:// www.litmir.net/](http://www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742)
UserBooks/?UserId=191742

E-mail: fly-1@mail.ru

© издательство ДООС

© редакция Журнала Поэтов ДООС

ISSN 2414-2425

Нам 20 лет!

Андрей Вознесенский

Поэзия живет, и живет она мощным таким генератором, который называется Константин Кедров. Раньше у нас было какое-то разделение на непрофессиональных критиков, которые профессионально пытаются судить о поэзии, и поэтов, которые дилетанты в философии. Наконец пришел человек, который все соединил. Это Константин Кедров. Он издает газету, которая называется «Газета ПОэзия», но она могла бы называться «Константин Кедров», потому что там все делает он. Он собирает людей, он делает настоящую серьезную поэзию, которая не дилетантская. Это не рассуждения типа журнализма кого-то, когда кто-то что-то пишет о поэзии. Это сам поэт, который делает серьезные теоретические выкладки, которые помогают нам идти.

1997 г., ЦДЛ,
поэтический вечер К.Кедрова

Елена Зейферт

доктор филологических наук

Несколько слов об этом удивительном журнале. У меня возникает впечатление, что это явление многомернейшее, потому что он достаточно тонкий на вид, но каждый фрагментик этого журнала адекватен целому, и такие звезды сплелись в этом журнале, и у каждого своя орбита. И возле этой орбиты, в ней, вращаются другие поэты. Когда я вошла и увидела созвездие, которое здесь встретилось – наиболее значимые издатели, поэты, одновременно издатели и поэты. Я в марте писала статью про Александра Еременко, именно как про поэта и издателя. Мне было интересно подметить тенденцию, что уже практически каждый значимый поэт старается тиражировать то, что происходит вокруг него. И в Москве очень много крупных поэтов, которые одновременно являются и издателями. К таким поэтам относится Константин Кедров, Евгений Степанов. И я очень счастлива быть сегодня здесь, видеть этот журнал, потому что он меня очень впечатлил. Я увидела, что используются разные алфавиты. Не только разные языки, даже алфавиты разные. Хотя алфавит поэзии, конечно, единый.

А.А.Гусейнов

доктор философских наук
академик РАН

Я приветствую вас в стенах нашего Института философии. Для нас очень важно и ценно, что такое уникальное явление, как очередной номер философско-поэтического журнала, представляется именно здесь. Никто не знает, каким образом все обернется и что выйдет из мероприятия, которое мы сейчас здесь осуществляем. Если мы посмотрим на 100, 200 и более лет назад, там возвышаются определенные вершины. Но в свое время эти вершины не были так видны, и только время их выделило. Точно так же можно сказать про этот журнал, совершенно уникальный. В моем представлении он как бы опредмечивает творчество в чистом виде. Творчество всегда предметно, и философское, и литературное, а вот здесь творчество представлено в чистом виде. Короче говоря, сегодня этот журнал, как и все в целом это поэтическое содружество, не остается незаметным, оно известно в целом, само по себе, и благодаря людям, которые создают лицо этого движения. Благодаря Н. В.Нестеровой, К.А.Кедрову, В.Л. Рабиновичу А.А. Вознесенскому. Я предполагаю, и ничего невероятного в этом нет, что пройдут многие годы и этот журнал, и все дело, которое вокруг журнала существует, выделится из общей массы и засияет очередной большой вершиной нашего отечественного и более широко – всемирного творчества, тем более что журнал этот, как я понимаю, всемирный.

11 марта 2004 г., Институт философии РАН,
презентация номера «НОС СОН РОГ ГОР»

Татьяна Данильянц

Я бы очень хотела опубликоваться в этом журнале. Я всегда думаю, когда его листаю, особенно с графикой Зейтунян-Белоус, что это должно быть что-то особенное. И когда я шла сюда, я сказала себе: я прилюдно объявлю, что я пишу специально стих для вас. Журнал, конечно, удивительный. Я дома нашла книгу, целую антологию, которая включает в себя все журналы. В Академии Нестеровой была презентация. И когда я стала ее листать, буквально две недели тому назад, я вдруг поняла, какой объем работы был осуществлен вами за эти годы. Поразительно! Притом, что это абсолютно живая материя.

2010 г., презентация номера «Ремни времени»

55 лет назад человек с планеты Земля
вышел в космическое пространство.
Имя этого человека Юрий Гагарин.

Фото:
Виктор Ахломов
ДООС – линзазавр